

Кардинал
Жан-Мари Люстиже

МЕССА

Истина и Жизнь

Кардинал
Жан-Мари Люстиже

МЕССА

Кардинал
Жан-Мари Люстиже

МЕССА

"Книжный мир экумены" © 2012

Истина и Жизнь
Москва

УДК 21
ББК 86.3
Л957

Перевод с французского Петра Сахарова

Редактор *А. Калмыкова*
Корректор *Н. Суздалева*
Компьютерная вёрстка *Н. Смирнов*

Люстиже Ж.-М.

Месса. — М.: Истина и Жизнь, 2001. — 109 с.

ISBN 5-88403-035-5

В основу этой книги положены беседы кардинала Люстиже, архиепископа Парижа, прозвучавшие на Радио Нотр-Дам. Она появилась в ответ на пожелания тех, кто хотел бы иметь напечатанный текст этих бесед для размышлений.

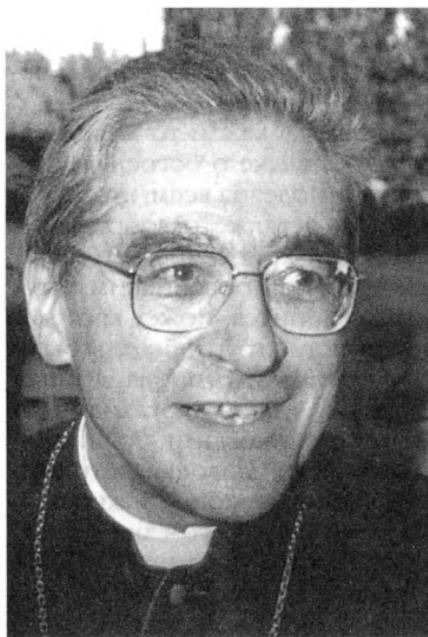
Печатается с разрешения церковных властей

© Bayard éditions, 1988

© Пётр Сахаров, перевод с французского, 2001

© Истина и Жизнь, русское издание, 2001

ISBN 5-88403-035-5

Кардинал Люстиже (р. 1926) — один из самых видных современных иерархов Римско-Католической Церкви. Выходец из семьи французских евреев (его мать погибла в Освенциме), он на пороге юности обратился в христианство, приняв в крещении христианское имя Жан-Мари в дополнение к своему еврейскому Аарон и решил всецело посвятить себя церковному служению. Многие годы он был священником одного из парижских приходов, затем — капелланом Сорбонны, позже — епископом Орлеанским, а последние двадцать лет является архиепископом Парижа.

Имя кардинала Люстиже известно уже многим российским христианам, в частности, по его книге «Первые шаги в молитве», русский перевод которой публиковался несколько лет назад в журнале «Истина и Жизнь».

Предлагаемая российскому читателю книга «Месса» написана кардиналом на основе серии бесед о Божественной Литургии римского обряда, проведённых им на радио Парижской епархии, носящем название «Нотр-Дам». Эти беседы рассчитаны прежде всего на мирян, но в ряде мест содержат также советы для священников.

Необходимо уточнить, что основным предметом книги является не просто Месса, а в первую очередь Месса воскресная.

Именно великую ценность Божественной Литургии в день Господень раскрывает здесь кардинал Люстиже, показывая, какая счастливая возможность представляется христианам в воскресенье.

Книга кардинала Люстиже позволяет в какой-то мере восполнить дефицит изданий на русском языке о богослужении Католической Церкви. Она может быть полезна всем, кто хочет лучше узнать западное христианство, а также разобраться в многообразии литургических традиций христианского мира. Однако более всего она окажется полезной российским католикам. Конечно, не всё, о чём в ней говорится, может касаться их непосредственно. Следует иметь в виду, что эти беседы были обращены к верующим Парижа — огромного города, в котором более ста католических приходов. Аудиторию кардинала составляет народ с многовековыми католическими традициями, получившими в последние десятилетия довольно стремительное развитие. Внешние проявления церковной жизни и литургического благочестия во Франции во многом значительно отличаются от тех, что приняты в России. Публикуя русский перевод этой книги, мы лишь в отдельных местах, когда речь идёт о чём-то совершенно непонятном или неактуальном для нас, вносим в него незначительные сокращения. Тем не менее в тексте книги сохранено многое из того, что обусловлено конкретными условиями Парижа и Франции: это позволит российским католикам лучше узнать о жизни их братьев и расширить свой кругозор.

Пётр Сахаров

ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ

I ПОЙТИ НА МЕССУ

В это воскресенье вы сомневались, пойти вам на Мессу или нет. Наконец **вы** всё-таки сподвиглись. А лучше сказать — **Бог вас** сподвиг. Бог выводит каждого человека из одиночества и замкнутости, чтобы составить народ, живущий верою; народ, единый во Христе. Всякий раз, когда я иду в церковь служить Мессу, я размышляю над теми словами Премудрости Божией (Притч 9. 5), которые отзываются в проповеди Иисуса в капернаумской синагоге (Ин 6): *«Идите, ешьте хлеб Мой и пейте вино, Мною растворённое»*. Эта олицетворённая Премудрость, Которая *«приготовила трапезу»* и *«провозгласила Своё приглашение с возвышенностей городских»*, — эта Премудрость воплощённая есть Слово Божие, Которое приглашает нас на Свой пир.

Трапеза Евхаристии совершается в Церкви. Христиан созывает на неё Христос. Святой Дух собирает их, чтобы образовать единое Тело и воздать благодарение Богу Отцу.

Воскресная Месса

Первое, о чём я предлагаю поразмышлять, — это воскресная Месса: мне бы хотелось помочь вам лучше её прочувствовать. Я не устаю твердить об этом снова и снова. Боюсь, в наши дни многие люди относятся к религии так же, как к универсамам, супермаркетам или торговым центрам. Это касается прежде всего Парижа, где церковью так много. Объясню, что я имею в виду. Универмаги открыты с утра и допоздна, вам предлагают там огромный выбор товаров — на любой спрос и вкус. И всё это для того, чтобы удовлетво-

ритель, завоевать и привязать к себе клиента (можете проверить по словарю: раньше слово «клиент» означало «зависимый»). Точно так же некоторые верующие «клиенты» хотели бы в любой момент находить в церкви товары духовного потребления, отвечающие их желаниям. Между тем, друзья мои, такой подход ошибочен. Месса не может представлять «клиентам» услуги, которые гибко менялись бы в зависимости от «рыночного спроса».

Мы идём на Мессу не для удовлетворения наших религиозных чувств и не потому, что в этом возникла охота или надобность в такой-то день и в такой-то час. Мы участвуем в Мессе воскресного дня (по древнему литургическому обычаю он начинается в субботу вечером) потому, что нас созывает Господь Иисус, потому, что нас собирает Дух Святой, и потому, что Бог, Отец наш, соделал нас учениками Своего Сына.

Знаю определённо, что это моё утверждение обидит тех, кто говорит: «Я иду сегодня на Мессу в эту церковь, потому что мне там нравится»; или: «Почему я больше не хожу на Мессу? В этом виноваты священники или Церковь». Из таких высказываний видно, как далеко ещё предстоит продвинуться в вере этим ученикам Христовым, чтобы стать католиками в полной мере. Ведь Бог собирает нас вот так – каждое воскресенье, неделю за неделей, – чтобы соделать зримым Свой народ и сформировать его через таинство Евхаристии. В Евхаристии мы получаем благодать, предназначенную для детей Божиих. Поистине, наше достоинство, наше призвание в том, чтобы воздавать хвалу Отцу *«через Христа, со Христом и во Христе»*. Да, мы должны почитать за милость Божию, что Он избрал нас, сделав частью Народа Божия, чтобы мы служили в Его присутствии (как говорится во II Евхаристической молитве: *«благодарим Тебя, ибо Ты удостоил нас стоять перед Тобою и служить Тебе»*), чтобы мы были собраны в Церковь – Тело Христово, Храм Духа.

Собраться в приходе

И вот ещё одно размышление: о «приходской» Мессе – в свете особого характера того ежесубботного собрания (собрания), которое организует жизнь Церкви.

Что можно сказать о приходе? Я не хочу вдаваться здесь в проблемы его функционирования и устройства. Я рассматриваю приход таким, каким он вырисовывается из почти двухтысячелетнего опыта христианского народа. Люди, образующие приход, не выбирают друг друга. Их избрал Бог посредством таинства крещения. И теперь они связаны реальной близостью, конкретной по своему существу. Их делают «близкими» повседневные нужды, вызванные условиями их жизни. Они должны стать друг для друга «ближними» (Ср. Лк 10. 36–37). Приходская Месса служится при незапертых дверях: она доступна каждому христианину, в то время как за монастырями и монашескими общинами (в случаях, когда на них не возложена обязанность служить для мирян) Церковь признала право запираеть двери.

Несомненно, Месса всегда остаётся Мессой. Но не следует умалять значение общины, которая её совершает. Воскресная Месса – это общественное действие Церкви. Церковь собрана вокруг своего епископа и священников, миссия которых — принимать всех верующих. Каждое воскресенье вся «отдельная Церковь» (так на языке Второго Ватиканского Собора называется диоцез, епархия) делает зримым вселенское (кафолическое) единство народа Божия. Каждый приход совершает Евхаристию в единстве со своим епископом и с Папой. Епископ – служитель и гарант этого вселенского единства, открытого для всех народов и всех людей.

Вспомните притчу о званых на брачный пир царского сына (Мф 22. 1 и д.), которую Христос рассказывает незадолго до Своих Страстей. Хозяин посылает за зваными гостями, но они пренебрегают приглашением. Тогда он говорит своим слугам: *«Пойдите на распутья и всех, кого*

найдёте, зовите на брачный пир». Точно так же обстоит дело с воскресной Мессой. Все имеют на неё право, каковы бы ни были различия – социальные, этнические и др. У всех на ней равные права. Ибо все оказываются перед нашим Господом и Учителем, Который стал слугою всем.

Евхаристическое собрание не является избираемым по человеческим критериям. У того, кто переступает порог храма, не спрашивают, бедный он или богатый, на каком языке говорит, какие у него вкусы и предпочтения. Единственное условие участия – уподобиться Христу, облечься, по благодати крещения, в Его смерть и воскресение.

Созывание всех крещёных

И это подводит меня к третьему размышлению. Чтобы участвовать в этом собрании, нужно одеться в «брачную одежду» согласно образности той же притчи. Месса — это собрание, открытое для всех, безо всякого различия. Но — собрание **крещёных**.

Евхаристия, хотя и носит общественный характер, так что даже неверующие могут на неё прийти, — это прежде всего таинство **крещёных**. Она предназначена для людей, которые вошли в тайну Христа через таинства христианского посвящения и Нового Рождения. Только крещёные могут войти «в общение» с той «тайной» милосердия и благодати, каковой является Евхаристия: с тайной Христа, дарующего Себя Своим братьям, чтобы соединить их со Своей Жертвой. Вот почему когда-то оглашаемые участвовали только в первой части Мессы. Оглашаемыми (катехуменами) называли – и называют поныне – тех, кто хотели стать христианами и уже сделали первый шаг на этом пути. Епископ называл их и вписывал их имена в число тех будущих членов Церкви, которые изъявили желание креститься; они должны были готовиться к крещению и принять его тогда, когда оказывались достаточно подготовлены.

В древности, однако, к началу Евхаристической молитвы (перед Приношением даров) оглашаемые покидали собрание. То же самое делали «кающиеся» – великие грешники, ожидавшие своего примирения с Церковью. Эти христиане, чьё общение с Церковью прервалось из-за их грехов, не прекращали тем не менее посещать собрание верных, но не могли участвовать в Евхаристии. Эта практика публичного покаяния исчезла из церковной жизни за последнее тысячелетие. В наши дни нам едва ли показалось бы нормальным, если бы верующие уходили с Мессы по соображениям совести. Но из истории мы можем вынести урок: те, у кого на совести тяжкий грех, кто ещё не получил прощения и долго находится в ситуации неопределённости, всё же не должны порывать с христианской общиной. Им не следует отказываться от Мессы, хотя они и вынуждены воздержаться от Причащения. Даже наоборот: молитва и любовь Церкви необходимы им для исправления. Ведь хотя они не вправе принимать Тело Христово, они – будучи грешниками, надеющимися на милосердие, – могут в то же время присоединиться к Евхаристии как к совершеннейшей молитве Церкви. Они должны принять свою долю радости, даже если для них она омрачена тайной скорбью, – радости братства, созидающего христианское собрание.

Священник — «другой Христос»

Наконец, четвёртое размышление – о том, что евхаристического собрания не может быть там, где нет священника. Через таинство священства он делается участником миссии апостолов – двенадцати столпов Церкви. Почему же его служение необходимо для совершения Евхаристии? Рукоположенный служитель – т.е. епископ, преемник апостолов, или же священник – даёт людям, собранным Богом в Церкви, принять Самого Христа, Который говорит устами священника и действует в этом Таинстве как Глава Сво-

его Тела. Благодаря священническому служению собрание крещёных не перестаёт осознавать и воспринимать себя как Тело Христово при каждом совершении Евхаристии. Он – **необходим** народу Божию, поскольку даёт ему уверенность в том, что Евхаристию совершает **Сам Христос**; что слово, которому Церковь причащается, есть **слово Христово**; что её единство — во **Христе**, Который прощает и любит Своих братьев.

Я намерен рассмотреть вопросы относительно Мессы, которые могут у вас возникнуть во время службы. Вы можете дополнить ваши сведения из других источников. Начать можно, например, с таких: что происходит на Мессе? Почему отдельные части храма или предметы в нём расположены именно таким образом? Что означают те или иные жесты, слова? Я надеюсь, что так вы получите гораздо больше пользы от вашего участия в Евхаристии и сможете молиться всё радостнее каждое воскресение. А может быть, и каждый день — если Бог даст вам такую благодать.

II СВЯЗЬ С ТЕМ, ЧТО СОВЕРШИЛ ИИСУС

Каждое воскресенье мы идём в храм, чтобы участвовать в Мессе. Кое-кто — точно так же, как шёл недавно в кино. Только в храме, в отличие от кинотеатра, «программа» неизменна, хотя с течением веков конкретные формы богослужения менялись. Давайте уясним, почему же порядок службы остаётся более или менее постоянным.

Когда мы спешим в театр посмотреть спектакль или просто-напросто к кому-то в гости — на семейный праздник, на встречу с друзьями, мы предвкушаем что-то новое, неожиданное, приятный сюрприз. На Мессе — всё наоборот. Не то чтобы повторяемость или однообразие были предписаны жёсткими церковными правилами. И всё же мы знаем, что формы богослужения в основных чертах неизблемы (несмотря на все видоизменения, произошедшие в ходе истории): совершение Евхаристии является действием, которое «кодифицировалось» в силу своей связи с Иисусом, — и касается это не только цели Евхаристии, но и жестов, действий, слов.

Вот что писал об этом св. Павел в Первом послании к Коринфянам: *«Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: „примите, ядите, сие есть Тело Моё, за вас ломимое; сие творите в Моё воспоминание”* Также и чашу после вечери и сказал: *“сия чаша есть новый Завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Моё воспоминание”*» (11. 23—25)..

Таинство Евхаристии в собрании учеников Христовых делает живой реальностью то, что совершил Сам Иисус.

Суть не в том, чтобы без конца повторять одни и те же слова, подобно тому как детям вдалбливают урок. Речь о том, чтобы позволить этим словам Иисуса, этому действию Иисуса осуществиться среди людей, собравшихся во Имя Его здесь и теперь. В Церкви, через её рукоположенных служителей, Иисус даёт нам сегодня то, что дал Он Двенадцати тогда, уже две тысячи лет назад. Иисус даёт нам сегодня то, что уже давал нам и в минувшее воскресенье, и месяц, и год назад; то, что давал и предшествующим поколениям; то, что будет давать и последующим – всегда и во все времена, до той поры, пока Он не придёт вновь.

То, что Иисус совершил однажды и навсегда, Он не перестаёт совершать среди нас, ради нас – и в этом уникальном действии Он соединяется с нами. Когда мы участвуем в Евхаристии сейчас, в конце XX века, мы не в большей и не в меньшей степени отдалены от Иисуса, чем первые христиане Рима или Лютетии. Дистанция между Ним и нами измеряется не числом прошедших веков, но нашей верой и верностью тому, что Христос осуществляет сегодня в Своей Церкви.

Молитва народа Израилева

Итак, то, что сделал на Тайной Вечери Иисус, мы в свою очередь делаем в Евхаристии. Но заглянем в ещё более глубокое прошлое. На самом деле и характер действий Иисуса, и Его молитва – та самая, которую Он передал нам, – были молитвой народа Израилева, обретшей стройность и подкреплённую жестами и словами; молитвой, являющейся народу Божию то, что совершил для него Бог.

Более того, мы сможем осознать нашу связь с Иисусом, только если поймём, насколько Он связан с Марией, Своей Матерью. Дочь Сиона, Она учила Его молиться определённым образом. Через священную историю Своего народа Она учила Его «путям Божиим» и «сокровищам не-

бесным» – Его, Который, будучи Сыном Божиим и Сыном Марии, есть «полнота» (ср. Кол 1. 19; Еф 1. 23), «наследник» (ср. Мф 21. 38; Евр 1. 2; Гал 4. 1—7) и «свидетель верный» (ср. Откр 1. 5).

Таким образом, мы совершаем то, что совершил Иисус, но Сам Он исполняет обряды и молится в соответствии с традицией народа Израилева. Во Иисусе эта традиция становится и нашим образом молитвы и богослужения.

Так же обстоит дело и с «*Отче наши*», молитвой, которую произносили христиане во все времена и на всех языках, хотя далеко не всегда хорошо её понимали. Тем не менее мы вот уже два тысячелетия повторяем её слова, потому что это слова Иисуса. Их богатство состоит, в частности, и в том, что они говорят куда больше, чем мы способны вместить или высказать. Мы вступаем непосредственно в молитву Самого Христа — христианскую молитву. Но Иисус в молитве «*Отче наши*» воспроизводит — по-Своему, необычно и сжато — те древние молитвы благословений, которым научился в детстве от Девы Марии.

Следовательно, и во время Тайной Вечери Иисус говорит и действует согласно ритуалу субботней и пасхальной трапезы.

Две Литургии

Наше Евхаристическое богослужение очень своеобразно соединяет два различных богослужения, в которых Иисус участвовал и которые совершал.

Первое — это **богослужение синагоги**.

Синагогальное богослужение объединяло каждую иудейскую общину, особенно по субботам. Оно более или менее соответствует тому, что в нашей Мессе называется «Литургией Слова». Сюда входят пение псалмов, молитвенные прошения и благословения и, главное, регулярные

чтения Слова Божия согласно установленному порядку. Писание читалось независимо от того, каким религиозным настроением был окрашен этот день. Слово Божие принимали как драгоценное наследство и ревностно им насыщались.

Верующие собираются в синагоге, рассаживаются на скамьях, образующих полукруг или квадрат, и могут видеть друг друга. Глава собрания (а он непременно должен быть) занимает особое место. Собравшиеся обращены к возвышению, с которого звучит Слово, – к амвону. На самом почётном месте – «скиния», в которой хранятся свитки Торы, Слова Божия. Если хотите, сравните это с устройством сирийской церкви или нашей монастырской, где есть хоры для монахов. Что происходит там в начале богослужения?

Послушаем, что сообщает нам св. Лука о своего рода модели первой части Мессы – Литургии Слова: *«И пришёл [Иисус] в Назарет, где был воспитан, и вошёл, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. И подали Ему книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашёл место, где было написано: “Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим... (Ис 61. 1—2) И, закрыв книгу и отдав служителю, сел... И Он начал говорить им: Ныне исполнилось Писание сие, слышанное вами»* (Лк 4. 16—22).

Иисус произносит Слово Божие и возвещает его исполнение.

Другая форма богослужения – **субботняя трапеза** или ещё более торжественная **пасхальная трапеза**.

Это праздничное вкушение пищи, строго ритуальное. Здесь нет места никакой импровизации. Всё подготовлено тщательнейшим образом и от начала до конца регламентировано. Из Евангелий явствует, что Иисусу все эти обычаи хорошо известны. Вот, например, у св. Луки: *«Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца. И послал Иисус Петра и Иоанна, ска-*

зав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдёт он, и скажите хозяину дома: "Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?" И он покажет вам горницу большую устланную; там приготовьте» (Лк 22. 7—12).

Предписания относительно трапезы очень чёткие. Приготовление пищи всегда было делом хозяйки дома. Вот почему можно, согласно благочестивому католическому преданию, предполагать, что Мария прислуживала на Тайной Вечере. Ибо в обязанности матери семейства входит не только приготовление пищи, но и расстановка на столе необходимых блюд и чаш, а также возжигание свечей — в соответствии с чтимым и неизменным ритуалом, совершавшимся в память об избавлении еврейского народа от египетского рабства, в память Пасхи. Об этом говорится в 12-й главе книги Исход, которая читается на богослужении Великого Четверга в воспоминание Тайной Вечери.

Ритуал, укоренённый в веках

Этот ритуал, которому во времена Иисуса насчитывалось уже более тысячи лет, чрезвычайно насыщен — исторически и эмоционально. Слова в нём чётко фиксированы, и потому изменения, которые внёс в них Иисус, стали неожиданностью и наполнились особым смыслом. Ведь Иисус, взяв со стола хлеб, не сказал и не сделал ничего случайного!

Исконный ритуал вкушения пасхального агнца, из года в год приносившегося в жертву в иерусалимском Храме, начинался с благословения, которое произносилось над пресным хлебом, имевшим форму большой

гостию, 12—15 сантиметров в диаметре, используемой нами на торжественной Мессе. Между прочим, эта форма ритуального хлеба встречается в наши дни в еврейских общинах Северной Африки. Подтверждают это и дошедшие до нас из глубины веков древние формы для выпечки такого хлеба.

Глава собрания – отец семейства или тот, кто его заменяет, – разламывает пресный хлеб и делит его между сидящими вокруг стола. Он произносит слова благословения, всегда употребляемые при совершении обряда еврейской Пасхи: *«Это хлеб бедствия, который ели отцы наши в Египте»*. Иисус же скажет: *«Это есть Тело Моё, которое за вас будет предано»*.

По мере продолжения трапезы следуют молитвы, возглашения, благодарения. Наконец подходит время третьей, последней чаши, которая напоминает о жертвах в Храме. Над этой чашей отец семейства произносит благословение, перед тем как передать её сидящим за столом. А Иисус, взяв эту чашу, воздаст благодарение Отцу Своему и скажет: *«Это есть Кровь Моя нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»* (Мф 26. 28).

Вот два благословения — в начале и в конце пасхальной трапезы, — которые Иисус произносит совершенно необычным образом. Вместе взятые, они составляют сердцевину Евхаристической молитвы — освящение даров.

Единство Мессы

Итак, на заре истории христианского богослужения соединились два различных, отстоящих друг от друга по времени и месту совершения иудейских богослужения, в которых участвовал Сам Иисус: с одной стороны, синагогальная Литургия Слова, происходившая в собрании общины еженедельно или ежедневно; с другой стороны, семейная литургия еженедельной субботней трапезы или ежегодной трапезы пасхальной.

Богослужение христианское (то есть идущее от Христа) соединяет одновременно, в одном собрании и одном евхаристическом священнодействии — в действе благодарения — **и** Литургию Слова, **и** литургию трапезы. Иначе говоря, в христианской перспективе слушание Священного Писания и сакраментальный пир — приобщение Слову Божию и приобщение евхаристическому Хлебу — образуют единое целое. Ведь Слово даёт нам Иисус; и Он же Сам — Слово, ставшее плотью.

Одна часть Мессы не просто продолжает другую. Между ними существует духовное и сакраментальное единство. Воистину, Литургия Слова является Литургией Евхаристической, а Евхаристическая Литургия является Литургией Слова. Ибо Сам Иисус, Который обращается к нам словами Евангелия, говорит и устами священника: *«Это есть Тело Моё. Это есть Кровь Моя».*

НАЧАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

III ХРАМ. ВХОДНОЕ ПЕСНОПЕНИЕ. РОЛЬ СВЯЩЕННИКА

Как устроены наши храмы

Отделять Литургию Слова от Евхаристической Литургии значило бы нарушить первоначальный характер Мессы, который на свой особый лад выражен в архитектуре храма. И действительно, сколь различными ни были бы церковные здания по своему устройению, каковыми бы ни были их внешние отличия в зависимости от страны или эпохи, два свойства являются общими для всех христианских храмов:

- во-первых, церковь — это место собрания. По форме храмы могут быть разными — от большой римской базилики до зала с амфитеатром, — но важно, чтобы собравшимся верующим с любого места было видно и слышно, что происходит;
- во-вторых, средоточием храма оказывается алтарь — освящённый стол, на котором совершается священная евхаристическая трапеза.

Возникает прецедент, характерный исключительно для христианства: в храме соединяются две изначально разные, несходные функции архитектурного пространства. Синагогальная литургия, какой бы она ни казалась нам неполной, была литургией собрания, тогда как литургия субботней трапезы или пасхальная была семейной, домашней. Когда в наши дни возникает соблазн разделить эти две части Мессы (например, с утра устроить в аудитории чтение Слова Божия, а вечером в часов-

не совершить Евхаристическую Литургию), происходит буквально ломка того двуединства, которое составляет первоначальную и самобытную основу христианства. Это не прогресс, а явная деградация — даже в тех случаях, когда две части богослужения пытаются отделить друг от друга якобы из благих педагогических побуждений (чтобы верующие их глубже прочувствовали), но не учитывают того, что само архитектурное пространство объединяет обе части Литургии в одно целое.

Это Христос говорит с нами, провозглашая Слово Божие, и это Он приносит Себя нам в дар на евхаристической трапезе — до такой степени неразрывно, что не должно быть Евхаристической Литургии **без** Литургии Слова. Следовательно, главное — ясно выражать это единство, присущее Мессе.

Роль священника

По этой же причине важно правильно понимать уникальную роль предстоятеля, рукоположенного служителя: епископа — преемника апостолов, или священника, который благодаря таинству священства причастен миссии епископа.

По сути дела, предстоятельствующий епископ или священник — знак присутствия Христа в Его Церкви. В собрании крещёных он свидетельствует о том, что Сам Христос их собирает, говорит с ними, даёт им Своё Тело, созидает из них Церковь. Поскольку у Церкви только один Глава — Христос, у собрания тоже только один предстоятель. Не может быть коллективного главенства или со-предстоятельства.

Хотя все священники участвуют в сослужении, поскольку они — священники (рукоположение вводит их в епископский или священнический чин, всё-таки только один из них предстоятельствует (возглавляет богослужение) — от начала до конца, как на Литургии Сло-

ва, так и на Евхаристической Литургии. В своём лице он символизирует **личное** присутствие Христа в Его Церкви. Вот почему ему принадлежит «главенство», «первенство». Это не значит, что все другие — на вторых ролях! Но первым, Первенцем, Главой апостол называет Христа (ср. Кол 1. 18).

Предстоятельство священника даёт собранию верующих возможность стать тем, чем оно должно быть: священник «возглавляет» собрание (то есть представляет Главу-Христа). Эту миссию никто не может себе присвоить. Она принимается от Бога при рукоположении, принимается ради блага Церкви. Вот как говорится об этом в Послании к Евреям: *«Всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу... И никто сам собою не приемлет этой чести, но призывается Богом, как и Аарон. Так и Христос, не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: "Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя... Ты священник вовек по чину Мелхиседека"»* (5. 1—6).

Если принять во внимание эти две особенности евхаристического собрания: единство всех частей Литургии и единственность роли возглавляющего её священника, — легче будет погрузиться в молитву и правильно понимать различные моменты Мессы.

Входное песнопение

Итак, мы собрались в храме, чтобы участвовать в Мессе. Войдя, мы увидели своих знакомых, обменялись приветствиями и новостями. Более того, если мы пришли заранее, у нас есть время обрести внутреннюю тишину в личной молитве. Теперь наше собрание должно почувствовать себя «единым телом». Именно этому служит так называемое **Входное песнопение**.

Что нужно для того, чтобы соединить людей? Попробуем расшевелить их? Разогреть голосовые связки?

Создать соответствующий настрой? Все ли средства для этого хороши? Ведь одним нравится орган, другим гитара, третий вообще предпочёл бы не петь, а танцевать, одним словом — кто во что горазд. Но перед началом богослужения важно делать не что попало, а именно то, что отвечает определённой цели. Это не значит, что нельзя, по договорённости между священником и верующими, выбрать из множества вариантов песнопений, предлагаемых традицией Церкви, то, которое кажется лучшим данному собранию.

В евхаристическом собрании всякое песнопение — это молитва: поклонение, покаяние, прошение, хвала — всему здесь есть место. А каковы смысл и назначение Входного песнопения? Это не песня, которую каждый может слушать сам по себе. Это литургическое действие, общинное по своей сути: в нём каждый соединяется с другими, чтобы образовать евхаристическое собрание. Каждый вместе со всеми остальными «входит» в слово, обращённое к Богу. Благодаря этому совместному духовному действию создается общность поклонения и молитвы между людьми, до того момента разобщёнными и нередко чужими друг другу. Единными устами, единым сердцем начинают они петь Богу — все вместе, сливаясь в одном возгласе, в одной молитве. Хорошо ли, плохо ли у них это получается, эстетично или нет, — это уже другой вопрос, тоже (и это надо подчеркнуть) заслуживающий внимания. Но сейчас я хочу сосредоточиться на том, насколько важно это общее песнопение для вхождения в молитву и созидания евхаристического собрания.

Псалмы: язык Божий

Если так, то что следует петь? По традиции Западной Церкви, песнопение, открывающее собою Литургию, обычно представляет собой псалом с пространным рефреном, смысл которого соотносится с праздником,

приходящимся на этот день. По-латыни такое песнопение называлось *introitus* (буквально «вход»). Говоря о псалмах, я понимаю, что петь их непросто. Наш язык не слишком ритмичен, и при переводе на французский возникает масса трудностей музыкального порядка. Короче говоря, мы не располагаем живым популярным репертуаром, какой имеется у других, соседних народов. У немцев или англичан есть традиция народных песен, навеянных псалмами, или, лучше сказать, псалмы прочно вошли в их мировосприятие и культуру. У нас же дело обстоит по-другому: мы лишены этого достояния.

Но, как бы там ни было, Церковь избрала псалмы. Я уже упоминал о роли псалмов в синагогальной молитве. Вспомним, что святой Августин обратился в христианскую веру в немолодом уже возрасте благодаря пению псалмов; тем не менее их латинский текст казался этому гуманисту варварским. Люди в его епархии в Гиппоне (неподалёку от Аннаба-Бона, на территории нынешнего Алжира) знали псалмы наизусть. Представляете себе? Христиане в тех краях и в те времена знали на память все сто пятьдесят псалмов, которые они пели. В псалмах, а именно — в их языке люди находили духовную пищу. Слова псалмов, какими следует «говорить с Богом», заучивались наизусть и укоренялись в сознании людей.

Знать псалмы наизусть не значит повторять их, как попугай; это значит — носить их в сердце, так чтобы их слова, взятые из Слова Божия, стали нашими собственными. Наверное, кто-то из вас возразит: «Это как-то неестественно!» Но отнеситесь серьёзно к тому, что я скажу: разве французский язык вы сами изобрели? Слова, с помощью которых вы объясняетесь, вы когда-то прочно усвоили. Они стали вашими собственными словами, вашим родным языком, которым вы пользуетесь совершенно свободно. Точно так же язык Божий должен стать для христиан родным языком — родным настолько, что в нашей душе сами будут рождаться слова для беседы с

Богом и для того, чтобы понимать друг друга, когда мы, верующие, говорим о Боге. Мы должны учить этот Божий язык; иначе нам грозит афазия, немота, неспособность изъясняться.

И тем, кто жалуется, что не знает, как молиться и что во время молитвы говорить, я без колебания отвечу: «Начните с псалмов».

Предстоятель — знак присутствия Христа

Надеюсь, теперь вам понятнее, почему псалом (кстати, и Христос молился словами псалмов) лучше, чем любое другое песнопение или гимн, объединяет христиан, собравшихся на Мессу.

Теперь, когда людей сплотила песнь поклонения, песнь-молитва, **входит предстоятель**. О чём напоминает этот вход?

Хотя зачастую мы воспринимаем это просто как торжественную церемонию (впереди предстоятеля несут крест и свечи, шествует процессия алтарников и сослужащего духовенства), всё же это литургическое действие, на мой взгляд, прежде всего напоминает о входе Христа-Мессии в иерусалимский Храм. Св. евангелист Лука уделяет этому особое внимание. Он приводит несколько эпизодов о пребывании Христа в Храме: новорождённый Младенец Иисус в день сретения (2. 22), двенадцатилетний Отрок во время ежегодного паломничества (2. 46), Мессия, посланный Отцом, чтобы учить (19. 45; 21. 37; 22, 53). В этих упоминаниях отзываются, как эхо, пророчества Захарии о восстановлении Храма (6. 12 и сл.).

Но собрание верующих — это тоже образ грядущего Храма в Небесном Иерусалиме (ср. Откр 5. 6): это Храм духовный, созидаемый из камней живых, о чём говорит апостол Пётр: *«Приступая к Нему [ко Христу], камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя*

дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Петр 2. 4—5).

Когда предстоятель входит в собрание, он становится знаком того, что Христос присутствует среди этих мужчин и женщин, собравшихся во имя Его. В этот момент всё собрание должно осознать, что оно становится образом святого Храма, жилищем Духа Божия. Сам Христос входит в него и делает его Своей обителью, приобщая собранный здесь народ Своему Слову и Своей Жертве хвалы.

Целование алтаря

Пройдя через собрание верующих, священник восходит к алтарю, целует его и воздаёт ему почитание. Таковы его первые действия, прежде чем он обратится к верующим со словами. Почему? Потому что алтарь — а в раннехристианских общинах алтарями служили гробницы мучеников — напоминает о жизни, принесённой в жертву в чаянии воскресения. В то же время он — символ Христа и жертвы благодарения, которую мы собираемся принести. Жест почитания алтаря, иногда сопровождающийся каждением, означает, что всё происходящее обращено ко Христу — Престолу, Священнику и Жертве (ср. Евр 4. 14 и сл.; 9. 14), ко Христу, присутствующему в этом собрании.

Только после этого целования алтаря, столь значимого в своей простоте и своём безмолвии, предстоятель, как брат среди своих братьев, берёт слово и приветствует собрание: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»*.

IV СОБРАВШИЕСЯ ВО ИМЯ ХРИСТА

Первое исповедание веры

Почтив алтарь, предстоятельствующий священник обращается к народу и начинает Мессу: «*Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа*».

В этот момент мы впервые осеняем себя крестом. Крестное знамение не должно твориться машинально, как какой-то обыденный, привычный жест. Ведь по сути это первое исповедание нашей веры в тайну Божию. Слова «во имя...» мы зачастую не вполне понимаем. Однако в библейском контексте они имеют особый смысл. В действительности эта формула — калька характерного еврейского оборота, своего рода метафора. «Имя Божие» или даже просто «имя» (вспомните прошение молитвы «*Отче наш*»: «да святится имя Твоё») выражает реальность Самого Бога — Бога, имя Которого неизреченно и Которого мы, тем не менее, дерзаем называть Отцом, Сыном и Духом.

Евхаристическое собрание подтверждает это исповедание веры в Святую Троицу, являющейся отличительной особенностью христианства, единодушно отвечая священнику: *аминь*. Словом *аминь* в самом начале Мессы созидается собрание — благодаря исповеданию веры в истину Божию. Еврейское слово *аминь* означает приверженность истине.

Первое благословение

Затем предстоятель обращается к верующим с величественным приветствием, которое обобщает всю исто-

рию спасения. Из многих возможных формул я предпочитаю две.

1. *«Господь да будет с вами»*, или даже: **«Господь с вами»** (чтобы лучше передать древнееврейскую — равно как и греческую или латинскую — лаконичную формулу, выражающую **не пожелание, а факт**).

Это благословение — возможно, одно из самых древних и самых прекрасных, используемых нами в богослужении, — произносит рукоположенный священнослужитель (епископ, священник, диакон). Мы находим его едва ли не на каждой странице Библии. Это не столько пожелание, сколько утверждение веры, которое проходит через всё Священное Писание и выражает признание того, что Бог постоянно пребывает со Своим народом, а значит, и *«с вами»*. Это — высшее из благословений! Ведь в нём сжато выражена суть Завета Бога с Его народом, заключённого на Синае.

В действительности слова *«Господь с вами»* выражают имя Божие, открытое Моисею. Еврейская традиция, а следом за нею греческая и латинская почтительно оберегала это имя, передавая его тетраграммой (четырёхбуквенным сочетанием) *YHWH*. В переводах Библии обычно используются транскрипции, опирающиеся на реконструкции экзегетов Нового времени: сперва было предложено читать «Иегова», позже — «Ягве». Вторая транскрипция, хотя она и претендует на большую точность, не намного лучше первой. Литургический перевод на французский язык, как и перевод, известный под названием «Экуменическая Библия», предпочёл слово *Господь* — то же, что латинское *Dominus*, греческое *Kyrios*, еврейское *Adonai*. Но, так или иначе, имя Божие означает, что Господь с нами. Оно — откровение не только бытия Божия, но и присутствия Бога среди Его народа (ср. Исх 3. 14). Сказать *«Господь с вами»* значит исповедать сущность Откровения, подтвердить, что Сам Бог дал обетование неотлучно пребывать среди

Своего народа, возобновить — с благодарением и надеждой — Союз, посредником которого является Моисей. То же сделал архангел Гавриил при Благовещении, когда сказал Деве Марии: *«Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою»* (Лк 1. 28).

Когда Иисус, завершая Свой земной путь, говорит Своим апостолам: *«И се, Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф 28. 29), — Он повторяет ту же формулу применительно к Себе. Он — вочеловечившийся предвечный Сын Божий, воплощённое Слово — отныне обитает в этом святом Храме, который есть Церковь. Он устрояет Себе жилище в этом новом народе, собранном Духом Святым.

Итак, приветствие *«Господь с вами»*, на которое собрание отвечает: *«И со духом твоим»*, то есть: *«и с тобою самим тоже»*, — не просто какая-то банальная формула, вроде: *«Здравствуйте! Ну, как поживаете?»* Это приветствие, преисполненное силы и смысла, а также исповедание веры, которое поочерёдно произносят предстоятель и собрание, выражая веру Церкви в новый и вечный Завет.

2. «Мир вам», по сути: **«Мир с вами»**. (Здесь опять и утверждение факта, и выражение пожелания).

В нашей литургической практике эта древнейшая формула сохраняется за епископом. Всем известно, что это самое обычное приветствие у народа Израилева, однако не следует воспринимать его как какое-то банальное, машинально произносимое приветствие. Вместе с псалмопевцем мы можем сказать: *«Послушаю, что скажет Господь Бог. Он скажет мир народу Своему и избранным Своим»* (Пс 85 [84]. 9).

Мир в Ветхом Завете понимался как полнота жизни с Богом; это человеческая жизнь, достигшая, наконец, счастья, поскольку Бог стал обитать среди Своего народа; это жизнь человека, преображённая радостью жизни с Богом среди братьев. *«Мир с вами»* — это своего рода следствие факта, выраженного словами *«Господь с вами»*.

Когда воскресший Христос является Своим апостолам, Он говорит: *«Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Примите Духа Святого»* (Ин 20. 19—22). Это Свой мир Он вверил им на Вечери накануне Своих страданий: *«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам»* (Ин 14. 27). Ибо Он Мессия, *«Князь мира»* (Ис 9. 6), пришедший *«направить ноги наши на путь мира»* (Лк 1. 79). Вот почему в последней беседе Он высказывает Своим друзьям и Своё горячее желание, — несмотря на то, что им предстоит приобщиться Его страданиям: *«Чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»* (Ин 16. 33).

Не кто иной как Бог собирает нас воедино

«Господь с вами», «Мир вам» — когда священник такими словами приветствует собрание, он произносит их от имени Христа. В этой связи добавлю ещё одно небольшое замечание.

Все священники — и я в том числе — испытали искушение сказать: *«Господь да будет с нами»*. Но когда я говорю: *«Господь да будет с вами»*, — это не означает, что я как бы исключаю себя из собрания. (Ведь верующие спрашивают: *«Почему это священник говорит “с вами”? А как же он сам?»*)

Вот я и хочу объяснить, почему нам, священникам, предстоятельствующим при совершении Евхаристии, нужно иметь мужество, чтобы говорить: *«Господь да будет с вами»*, и почему мы оказываемся как бы отделёнными от собрания. Кому-то может показаться, что по отношению к нам это несправедливо. На самом же деле мы, наоборот, занимаем единственно положенное нам место, в соответствии с принятым нами служением, которое мы совершаем для вас. Предстоятель не является «рупором» собрания. Он «поставлен» не группой верующих, а Христом, действующим через Своих апостолов: *«Не вы Меня избрали, а Я вас*

избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Моё, Он дал вам» (Ин 15. 16).

Совершая Божественную Литургию, я поворачиваюсь лицом к собранию и говорю: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»*, а потом обращаюсь к вам со словами: *«Господь да будет с вами»*. В это время моими устами Сам Христос обращается к Своей Церкви. Но слова, которые я произношу от Его имени, обращены и ко мне, и я принимаю их в тот самый момент, когда говорю их вам: пребывая среди нашего евхаристического собрания, Христос собирает нас Духом Своим Святым, чтобы мы воздали благодарение Отцу.

И когда как ваш епископ, преемник апостолов, я произношу приветствие: *«Мир вам»*, — я исполняю принятую от Бога миссию собирать в единстве и любви всю местную Церковь (то есть епархию) и быть знаком и гарантом её полного кафолического общения со всею Церковью. Эта литургическая формула напоминает нам о том, что не может быть кафолического единства без Апостольской Коллегии под властью Преемника Петра.

Таковы две основные формулы приветствия. Литургия предлагает нам и некоторые другие; часть их заимствована из начальных или заключительных строк посланий св. апостола Павла, как, например: *«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа да будет со всеми вами» (2 Кор 13. 13).*

Все эти формулы прекрасны, и все они в большей или меньшей степени выражают тайну Святой Троицы и в той или иной мере говорят о мире, о радости — всегда в присутствии Божиим. И действительно, приветствие предстоятеля в начале Мессы так или иначе свидетельствует об уверенности, которая воодушевляет христианское собрание: Бог — среди нас, и именно Он нас собирает воедино.

Вводные слова

Теперь священник должен помочь собравшимся христианам войти в Евхаристическую Жертву — в некотором роде «ввести» их в богослужение данного дня. И вовсе не так, как это делает ведущий на телевидении перед показом какой-то передачи. Священник должен помочь собранию погрузиться в ту тайну, которая будет совершаться — здесь и теперь.

Во всяком Евхаристическом богослужении есть своя неповторимость, своя новизна: иногда она проистекает из тех обстоятельств, в которых оказываются верующие, зачастую основывается на празднике, приходящемся на этот день (прославление тайн жизни Христа или Богородицы, память святых и др.), и всегда — на Слове Божием, провозглашаемом в этот день, особенно в Евангельском чтении.

Поддерживаемый верою всей Церкви и подкрепляемый словом Священного Писания, предстоятельствующий священник должен в своём вступительном слове дать верующим почувствовать пульс молитвы Церкви, собравшейся в этот день на Мессе. Помочь может наиболее важное речение из Евангельского отрывка, читаемого в данное воскресенье. И пусть предстоятель без колебаний процитирует его в этот момент: таким образом слово Божие само укажет верующим направленность их молитвы.

V ПРИЗНАТЬ СЕБЯ ГРЕШНИКОМ

Покаянная подготовка

Священник призывает собрание прежде всего испросить у Бога **благодать сердечного сокрушения о грехах**. Именно это означает призыв *«осознать наши грехи»*.

Что значит такое общее признание нами своих грехов в преддверии Евхаристии? В тот момент, когда Христос, Владыка святости, *«Призвавший нас Святой»* (ср. 1 Петр 1. 15), собирает нас, чтобы дарованием Своего Тела и Крови приобщить полноте Своей жизни — приобщить через наше участие в Его жертве, — это действие напоминает нам о нашем месте: мы принадлежим к роду грешному, но освящённому Христом. Надо, чтобы каждый признал, что он грешен, чтобы каждый назвал в тайне сердца всё, в чём он отступился от Бога и что отдаёт теперь на милость Божию, чтобы Бог спалил это огнём Своей любви.

Конечно, обряд покаяния в начале Мессы не заменяет таинства покаяния и личного исповедания грехов перед священником, когда мы получаем прощение от Бога. Но не всякий грех порождает смертельный разрыв с Богом. Благодать Евхаристии очищает нас от тех прегрешений, которые в какой-то мере отдалили нас от Бога.

Итак, священник призывает верующих к обращению сердца, к этому покаянному действию, которое предполагает и участие его самого. Он говорит: *«Осознаем наши грехи, чтобы с чистым сердцем совершить Святое Таинство»*. Священник волен избрать для этого и другие слова. Главное — призыв к обращению. Речь идёт не столько о том, чтобы совершить испытание совести по

всем правилам (это в данный момент и не предлагается), сколько о том, чтобы испросить у Бога и принять благодать, помогающую признать себя грешником и покаяться.

Затем необходимо **некоторое время сохранять молчание**, чтобы каждый — вместе со всеми остальными — как бы поставил себя перед взором Божиим и сказал Ему: «Господи, вот перед Тобою моя жизнь: Ты её знаешь. Помоги мне ощутить горечь оттого, что я так мало любил Тебя и не любил ближнего по Твоей заповеди. Помоги мне страдать оттого, что я не живу Тобою всецело. Открой моё очерствевшее сердце. Вместо сердца каменного дай мне сердце сокрушённое, скорбящее о том зле, которое я совершал против Тебя».

Молчание, сохраняемое некоторое время собранием, даёт возможность каждому погрузиться в свою личную молитву.

Это время, как бы кратко оно ни было, имеет немалое значение для участия каждого в евхаристическом богослужении. Подумайте о словах Иисуса, которые произносятся при освящении чаши: *«Это есть чаша Крови Моей, нового и вечного Завета, которая за вас и за многих прольётся во отпущение грехов»*...

Слова *«Тело Моё, которое за вас будет предано...»* имеют то же значение. И в молитвах, готовящих нас к Причащению, мы снова молим нашего Отца, чтобы *«мы были избавлены от греха»* (после молитвы *«Отче наш»*), и (в молитве о мире) просим Христа: *«Не взирай на грехи наши, но на веру Церкви Твоей»* и т. д.

Прочтите внимательно (полностью) Четвёртую *Евхаристическую молитву*. В этой молитве раскрывается — сопровождаясь великим благодарением, — вся *история спасения грешных людей*, которых Бог избавляет через Своего Сына. Для нас познать меру своего греха значит познать полноту Божией любви, искупившей нас. Печаль о наших грехах становится радостью о прощении Божиим. Источник этого прощения — Жертва Христова, и, совершая Евхаристию, мы приобщаемся к ней.

Просить прощения у Бога

Затем священник начинает общую молитву, в которой собравшиеся исповедуются, в чём они грешны. Для этого нам предлагается несколько формул. Я остановлюсь на первой, одной из самых древних: *«Исповедуюсь перед Богом Всемогущим...»*.

Что прекрасно в этой молитве (а её хорошо бы знать наизусть — я говорю это для самых молодых), так это то, что она ставит нас в положение ответственности за нашу личную жизнь перед Богом и перед братьями по вере.

«Исповедуюсь перед Богом Всемогущим...» Слово «исповедоваться», может быть, понятно не всем. Оно означает одновременно «сознавать что-то» и «знать»; дать возможность Богу творить истину в нашей жизни.

«Исповедуюсь...» То есть, исповедую — себя, признаю, что я сделал то-то. Кому исповедуюсь? Прежде всего, Богу. *«Тебе, Тебе единому согрешил я»* — вторит псалом (Пс 51 [50]. 6), исповедь царя Давида. Именно любовь Божия судит нас, ибо грех — это отказ от любви Божией, а значит и отказ от Бога, Который есть источник нашей любви к братьям..

«...И перед вами, братья и сёстры...» (а это значит — перед Церковью), *«что я много грешил мыслью, словом, делом и неисполнением долга»*. Из всех сфер свободы, способностей и деятельности человека как бы выметается сор благодаря этому публичному признанию. *«Моя вина»*, — добавляем мы, ударяя себя в грудь.

А далее следует молитвенное прошение, обращённое прежде всего к *Деве Марии*, первой из спасённых, первой в Церкви. Затем — ко *всем ангелам и святым*, в ком блистает невидимое сияние Божие. И, наконец, — ко всем людям, братьям и сёстрам, пребывающим в Церкви, — кого мы знаем и кого не знаем. *«Молитесь обо мне Господу Богу нашему»*.

Другая формула употребляется реже. Тем не менее она очень красива. Её составляют стихи из псалмов, произ-

носимые поочерёдно, в виде диалога, священником и собранием:

«Помилуй нас, Господи.

— Ибо мы согрешили Тебе.

Яви нам, Господи, милость Твою.

— И даруй нам спасение Твоё».

И ту и другую формулу завершает священник, призывая прощение Божие: *«Да помилует нас Всемогущий Бог и, простив нам грехи наши, приведёт нас к жизни вечной».* «Аминь», — произносят вместе с ним все верующие. Заметьте, что священник — такой же христианин, как и его братья и сёстры, — говорит «нас», ибо он и себя числит среди грешников. Он, как и любой верующий, один из участников этого акта «сокрушения», этого общего для всех исповедания грехов.

Это вовсе не то же самое, что происходит в таинстве Примирения (Покаяния), когда священник преподаёт исповеднику разрешение грехов. В формуле сакраментального отпущения грехов священник обращается к кающемуся со словами: *«Бог, Отец милосердия (...) пусть дарует тебе прощение и мир»*, — и разрешает его от грехов во имя Бога через служение Церкви, говоря: *«И я отпускаю тебе грехи во имя Отца и Сына и Святого Духа».*

«Кирие»* — сокровище, унаследованное от начала

Следом за подготовительной покаянной молитвой обычно идёт маленькая литания, прошения которой произносит предстоятель и повторяет собрание:

«Господи, помилуй.

Христе, помилуй.

---

* Здесь и далее мы, следом за автором, сохраняем традиционные названия важнейших песнопений, именуемых по первым словам текста оригинала (латинского или, как в данном случае, греческого). Передача их кириллицей обусловлена удобством их склонения, давно уже принятого в среде русских литургистов и музыковедов. — *Прим. пер.*

Господи, помилуй».

Или же по-гречески:

«Кирие элейсон.

Христе элейсон.

Кирие элейсон».

Признаюсь, я предпочитаю произносить её не в переводе, а на греческом языке — в том виде, в каком она существовала ещё на заре христианства и сохранилась не только в Восточной Церкви, но и в Латинской.

Как Мальчику с пальчик, нам нужны зарубки и отметины, чтобы проследить путь богослужебной молитвы, путь самой жизни народа Божия, увидеть истинные масштабы Церкви. В нашем странствии эти древние и непонятные слова, которые рассыпаны в нынешней литургии, — вроде белых камешков, так необходимых нам. По сути, вся литургическая традиция, передаваемая из века в век, от народа к народу, от языка к языку, при всём различии культур и языков свидетельствует о единстве христиан в молитве и общении со Христом. Так, всегда впечатляет, когда видишь, что в различных переводах Ветхого и Нового Завета на языки Ближнего Востока, сделанных ещё до того, как греческий и латынь стали официальными языками, некоторые слова были просто перенесены из еврейского оригинала в нетронутом виде. Они звучат для нас так же, как звучали в устах Христа. К примеру: *Аминь* (да, это истинно), *Аллилуия* (хвалите Бога), *Осанна!* (спаси же), *Саваоф* (Бог вселенной, Бог сил небесных) — выражение настолько ёмкое, настолько поэтичное, настолько сильное, что оно не было переведено на латынь («*Sanctus. Dominus Deus Sabaoth*»). Я мог бы продолжить этот список. Ещё пример: в Евангелии от Марка (7. 14) сохранено арамейское выражение, которое Сам Иисус использует, когда Он отверзает слух и разрешает узы языка глухого косноязычно-

го: *Еффафа* (отверзись); из древнего чинопоследования таинства Крещения это выражение перешло и в наш нынешний обряд крещения.

Итак, в наших современных языках и богослужениях древние слова рассыпаны подобно драгоценным камням. Они доказывают преемственность и кафоличность Церкви на протяжении всей её долгой истории, а также то, что в первоначальную форму молитвы разные народы привносили свои обычаи, свои чувства, свой язык, свою культуру. Среди явлений того же ряда немаловажно и то, что французы, немцы, англичане, итальянцы, испанцы и многие другие народы сохранили в своих Церквях латинские выражения, адаптированные к живым, родным языкам этих народов, для которых латинская литургия была источником жизни в вере.

Но вернёмся к *«Кирие элейсон»*. Все понимают смысл этой молитвы, многие любят петь её на древнюю мелодию, а кто-то — на современную. Меня это радует. Ведь *«Кирие элейсон»* — особое свидетельство о том языке, на котором был написан Новый Завет и на котором Слово Божие первоначально распространялось среди языческих народов. Прекрасна эта живая память Церкви на пороге третьего тысячелетия!

Призывание Христа

Иногда для исповедания грехов и покаянной подготовки используется ещё и третья форма молитвы. После некоторого времени молчания, о котором я только что говорил, каждое из прошений *«Кирие элейсон»* сопровождается призыванием Христа:

«Посланный исцелять сокрушённых сердцем — Господи, помилуй.

Пришедший призвать грешников — Христе, помилуй.

Восседающий одесную Отца, чтобы ходатайствовать о нас, — Господи, помилуй».

Эти призывания могут быть приспособлены к временам литургического года или праздникам. Кроме того, первое может быть обращено к Отцу, второе — к Сыну, а третье — к Святому Духу; это соответствует древней практике (в отличие от литании *«Агнец Божий»*, которая сопровождает преломление Хлеба перед Причащением и обращена исключительно к Христу). Но это всегда признание наших грехов и усердная молитва с упованием на милосердие Божие. Таков обряд покаяния в начале Мессы.

VI
ГИМН
«СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ»
И МОЛИТВА СОБРАНИЯ

«Глория» — благодарственный гимн

После обряда покаяния в дни больших праздников (за исключением покаянных периодов — Адвента и Великого поста) предстоятель возглашает: «*Слава в вышних Богу*». Этот гимн, очень древний, был первоначально утренней молитвой, которая сохранилась, в частности, в «*Апостольских постановлениях*» конца IV в. Мало-помалу гимн вошёл в евхаристическое богослужение. В древности его произносил только епископ, и то лишь в некоторые дни, начиная с Рождества, — из-за первых слов «*Gloria in excelsis Deo*» («*Слава в вышних Богу*»), прозвучавших ночью в Вифлееме и озаривших тайну рождения Спасителя. А позже этот гимн стал использоваться шире и вошёл в обиход. С XI в. «*Глория*» (или *Великое славословие*) поётся всеми сообща: и священником, и собранием, — как и в наши дни.

Это — гимн. Действительно, в литургической традиции католиков он имеет первостепенное значение и занимает достойное место наряду с псалмами, о которых я уже говорил и которые представляют собой подлинную поэзию. Именно в области литургической поэзии каждая эпоха проявляла недоверие по отношению к гимнам, составленным в предыдущий период, борясь более или менее упорно с тем, что не соответствовало современному мироощущению или не казалось верным с точки зрения веры. Поэтому поразительно и показательно то поэтическое достоинство, благодаря ко-

тому «Глория» глубоко укоренилась в евхаристическом богослужении и непрерывно продолжала жить в нём на протяжении веков.

Этот гимн — одно из самых прекрасных литургических творений, дошедших до нас. Это подлинное сокровище, питающее как личную, так и общинную молитву — молитву благодарственную, молитву «евхаристическую» — Богу, Творцу и Искупителю нашему; Богу, единому в трёх Лицах. Это подлинная песнь хвалы, пропетая Церковью первых веков.

Как петь «Слава в вышних Богу»?

Как следует петь гимн «Слава в вышних Богу»? Кажется, что это совсем просто. Тем не менее во Франции так и не удаётся найти мелодий, которые легко прижились бы во всех общинах. Зачастую предстоятель не хочет, чтобы «Глорию» пели так называемым «ангельским распевом», поскольку опасается, что верующие не сумеют петь слаженно. Тогда, чтобы не прочитывать «Глорию» упрощённо — стих за стихом поочерёдно с собранием, в текст вставляется рефрен..

Как ошибочен такой подход! Почему? Потому что в таком случае не проявляется уважение ни к стилю, ни к характеру этого гимна: из него делают песенку с припевом. Вот вам сравнение, чтобы было понятнее: возьмите известную арию из какой-то оперы и представьте себе, что вместо того, чтобы петь, её прочитывают, да ещё перемежают чтение небольшой фразой, которая поётся как припев...

В наших общинах пением припевов подменяют и другие песнопения. Между тем, Входное песнопение — это псалом, поющийся с антифоном; «Кирие» — литания; «Слава в вышних Богу» —

гимн; *«Верую»* — диалогический текст или догматическая проза; *«Санктус»* (*«Свят, свят, свят»*) — библейское возгласение. Если любую молитву, предназначенную для пения, превращают в песню с припевом, то не потому ли, что представляют общину неспособной к обучению?

Во-первых, необходимо признать, что верующие на самом деле уже знают великолепный текст *«Слава в вышних Богу»* наизусть. Лучше произнести его на одном дыхании, чем вставлять «припев», который произвольно ломает ритм чтения молитвы. Во-вторых, всякий раз, когда есть такая возможность, пусть священник и собрание поют его целиком, не прерываясь, потому что это целостный поэтический текст, а не куплеты с припевом.

Если имеющиеся мелодии не подходят для нашего языка (а это ещё надо бы доказать), пусть композиторы потрудятся и сочинят музыку, которая будет органична для французского языка и созвучна сердцам, чувствам и духу наших современников. И простите меня за мою въедливость!

Читаем тайну Божию по складам

О каждой фразе *«Глории»*, этой величественной хвалы, следовало бы размышлять очень подолгу. Начинается она с тех самых слов, которые запечатлены в Евангелии св. Луки (2. 14): *«Слава в вышних Богу и на земле мир людям Его благоволения»*.

Вы знаете, что это ангельское славословие огласило вифлеемскую ночь и прервало молчание, в котором пребывали пастухи. Оно воздаёт хвалу Богу, Который в лице родившегося Мессии приходит спасти людей и дарует им Свою любовь.

Следом за этим, от полноты сердца — ведь и в нём тоже молитва — слова накапливаются и теснятся, глаголы

сталкиваются, влекут за собой другие — и всё сливается в едином порыве: *«Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя, ибо велика Слава Твоя»*. Как из неиссякаемого источника, ликование и хвала изливаются из наших глубин и переполняют наши уста, когда мы созерцаем тайну Божию. С любовью, благодарностью и восхищением мы как бы рассматриваем её в подробностях и прочитываем по складам: *«Господи Боже, Царь Небесный, Боже Отче Всемогущий»*.

И вполне естественно, что Он обращает нас к Своему Сыну, Мессии. Будучи Человеком, Он, наш Спаситель, обладает всеми именами Божества: *«Господи, Сын Единородный, Иисусе Христе, Господи Боже, Агнец Божий, Сын Отца»*. А дальше на одном дыхании мы повторяем в сознании нашего убожества: *«Берущий на Себя грехи мира — помилуй нас; берущий на Себя грехи мира — прими молитву нашу; сидящий одесную Отца — помилуй нас»*. И наше поклонение становится пронзительной мольбой — мольбой, где вновь и вновь звучит надежда на могущество Господа.

Наше христологическое исповедание веры повторяется во второй, в третий раз: *«Ибо Ты один свят, Ты один Господь, Ты один Всевышний, Иисус Христос»*. Оно становится тринитарным (тройческим): *«со Святым Духом»* — и завершается тем, чем начиналось: *«во славе Бога Отца»*.

Возглашая *«Аминь»*, собрание как бы финальным аккордом увенчивает этот могучий поток радости и поэтического вдохновения, это великолепное крещендо песни нашей веры, пропетой во славу Божию.

И ещё одно, последнее замечание. Само внутреннее движение гимна *«Слава в вышних Богу»* подобно строю Евхаристической молитвы, благодарения, которое исходит от Христа: *«Славлю Тебя Отче, Господи небеса и земли, что Ты утаил...»* (Мф 11. 25; или у Иоанна (11. 41): *«Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня...»* Такая молитвенная установка свойственна всей иу-

дейской традиции — молитве Марии, Захарии, Симеона, Самого Иисуса, св. Павла и всех апостолов, а также Евхаристии Кафолической Церкви. Молитва определяет наше место по отношению к Богу, вводит нас в область действия Божия. Наша субъективная реальность, «маленькая история» каждого из нас оказывается таким образом охвачена порывом Любви, Которая есть Бог. Мы учимся любить Бога и тем самым — по-настоящему любить людей.

Это молитва, помогающая учиться истинной любви: в самозабвении и благодарении Богу, в Котором каждый обретает себя, а весь святой народ — своё призвание и миссию. Более того, эта молитва, способная понести все тяготы и грехи мира. Это молитва Христа, которая учит нас, что Его Евхаристия, благодарение, — вершина всякой молитвы.

Итак, всем членам Церкви важно постичь эту евхаристическую молитвенную направленность. Чтобы убедиться в этом, перечитайте, скажем, Третью Евхаристическую молитву, — вы обнаружите там и дух, и лексику гимна *«Слава в вышних Богу»*.

Первая молитва: молитва всей Церкви

Затем предстоятель обращается к народу: *«Помолимся»*. По этому призыву всё собрание замирает и пребывает в молчании. Не должно быть в храме больше никакой суеты, всем надо сосредоточиться.

Из этого можно извлечь один общий урок. Богослужение разворачивается как действие, включающее в себя разные «акты» с разными «исполнителями»: я имею в виду участников и предстоятеля. Иногда каждый из нас действует согласно своей роли в Церкви: к примеру, во время Приношения даров священник или другой служитель подготов-

ливает на алтаре дары, в то время как верующие собирают пожертвования, а органист играет (или всё собрание поёт). Каждый, как в оркестре, играет свою партию; каждый, как в семье перед обедом, выполняет свою задачу: дети накрывают на стол, мама готовит на кухне, папа спускается за чем-нибудь в погреб или спешно бежит в магазин, потому что забыли купить хлеб... Короче, каждый вносит свой вклад в общее дело.

В другие моменты в ходе богослужения мы действуем **все вместе, единодушно**. Все делают одно и то же — одновременно, одинаково. Яркий пример этого — пение *«Санктуса»* (*«Свят, Свят, Свят»*).

Есть и другие места службы, когда **кто-то действует для всех**. Это может быть один человек (к примеру, чтец или певчий) или группа (хор). А собрание тем временем слушает и молится.

И, наконец, есть моменты, когда **рукоположенный служитель действует от имени Христа, чтобы вся Церковь была едина в своём Господе**. Например, когда диакон или священник возвещает Евангелие. Или когда священник говорит от имени Христа в Евхаристической молитве.

Итак, когда священник говорит *«Помолимся»*, все затихают. В это время, пока собрание пребывает в молчании, каждый в глубине души по-своему обращается Богу. Затем предстоятель берёт слово и от лица собрания произносит Вступительную молитву. Именно поэтому, как вы могли заметить, все подобные молитвы Мессы идут от первого лица во множественном числе: *«Помолимся»*, *«Молим Тебя»*, *«...для нас»*, *«...нам»*. Текст Вступительной молитвы — как правило, древний — берётся из *«Римского Миссала»*. Эта книга — сокровищница христианского духовного опыта, который нам сле-

дует хранить как великую ценность. Ни один перевод никогда не сможет передать красоту и лаконизм латинского языка!

Тринитарная молитва

В соответствии со строго тринитарной (тройческой) канвой христианской молитвы, Вступительная молитва Мессы обращена к Отцу Небесному от имени Христа, вместе с Которым мы молимся *«Его Отцу и Отцу нашему»* (ср. Ин 20. 17) в Духе Святом, живущем в нас и дающем нам Свою силу. Эта молитва состоит из двух частей.

Первая часть передаёт в одной фразе, обычно — в форме благодарения, — тот аспект тайны Божией, над которым литургия Церкви предлагает нам размышлять в этот день: *«Благодарим Тебя, Боже, Спаситель наш...»*, *«Боже, открывший нам любовь Свою...»*, *«Боже, Промыслитель наш...»*, *«Боже, Ты ведёшь нас...»*, *«Боже, Ты соделал так...»*.

Вторая часть представляет собой прошение о том, чтобы христиане, собравшиеся на этой Евхаристии, отныне и вовеки жили тем, о чём они приносят благодарение.

Что же до заключительной формулы, то она чётко определяет направленность нашей молитвы к Богу, Отцу нашему, через Сына, в Духе Святом. Мы вновь подтверждаем нашу веру в тайну Пресвятой Троицы, говоря: *«Молим Тебя через Господа нашего Иисуса Христа, Который с Тобой живёт и царствует в единстве Святого Духа, Бог во веки веков»*.

«Во веки веков» — это буквальный перевод еврейского выражения, означающий, что верховная власть Бога, под которую мы прибегаем в молитве, превосходит всякие человеческие представления о времени и погружает нас в стремительный поток истории вплоть до её завершения в конце времён, когда *«всё небесное и земное будет соединено под одним Главую — Христом»* (Еф 1. 10).

Собрание отвечает: *«Аминь»*, утверждая веру в истинность Бога («Бог истинен»: ср. Ин 17. 3) и в то же время — истинность нашего поклонения Ему, совершаемого нами вместе с легионами ангелов и с бесчисленным сонмом избранных святых, славящих Бога и поющих: *«Благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь»* (Откр 7 12).

Таким образом, эта молитва, замыкающая Начальные обряды Мессы, не является неким словом предстоятеля, в котором раскрывалась бы его личность, его своеобразие. В этой молитве он не обращается к нам «от себя», хотя в нынешнем богослужении есть много моментов, когда предстоятелю рекомендуется в свободной, непринуждённой форме обращаться к народу.

И понятно, почему древняя традиция предписывала священнику петь эту молитву. Когда Мессу служат по-французски, обычай этот соблюдают редко. Но опыт монашеских общин с их практикой регулярных богослужений по полному чину показывает, что наш язык мало-помалу приспособливается к тому, чтобы текст этот петь, а не читать. Благодаря пению предстоятель (и, соответственно, собрание) лучше осознаёт ту меру священной миссии, которая исполняется в служении собранного таким образом народа Божия. Слова нашего языка, которые поются почтительно и сдержанно, обретают большее благородство.

Священник как бы отрешается от своей собственной манеры речи и, в конечном счёте, от самого себя, чтобы стать тем, кем сделало его для служения народу Божию таинство священства, то есть рупором молитвы, наполняющей сердца всех, — молитвы Церкви, в которой каждый должен суметь узнать себя, какими бы ни были его чувства и настроение в данный момент.

Внимательно слушая Вступительную молитву, поётся ли она или просто читается, присоединяясь к тому,

что священник говорит от лица всех нас, пусть каждый из собравшихся на Мессе со всей искренностью помышляет: «Это я сам молюсь словами, которые произносит священник, молюсь от имени Церкви, — и это Церковь молится от моего имени».

ЛИТУРГИЯ СЛОВА

VII СИМФОНИЯ СЛОВА БОЖИЯ

Итак, собрание готово к восприятию Слова Божия. Теперь может начаться то, что мы сейчас называем «Литургией Слова». По воскресеньям и праздникам она строится следующим образом.

Одна составляющая — это слушание трёх чтений:

- первое представляет собой отрывок из Ветхого Завета с последующим псалмом;
- второе — фрагмент из апостольских книг Нового Завета (*Деяний апостолов, Посланий св. Павла или других апостолов, Откровения Иоанна Богослова*);
- третье — отрывок из Евангелия;

Вторая составляющая — три дополнения, которые являются ответом Церкви на эти чтения (см. ниже, гл. VIII):

- во-первых, проповедь или наставление священника: право актуализации слова Иисусова, как и возвещения Евангелия, принадлежит рукоположенному служителю;
- во-вторых, произнесение собранием крещального исповедания веры («*Кредо*», то есть «*Верую*»);
- в-третьих, Всеобщая молитва, или Молитва верных, обо всей Церкви.

Три чтения

Поговорим сначала о трёх чтениях Слова Божия. Почему они берутся исключительно из Священного Писания? Почему не из какого-то духовного писателя, или кого-то из Отцов Церкви, или из энциклики Папы?

Как я вам уже говорил (см. часть II), Месса — это всегда действие Церкви, собранной Духом Святым: Сам Хрис-

тос, воплощённое Слово Божие, дарует нам участие в Слове Бога, Своего Отца, посредством Священного Писания, а также Своего Тела, которое за нас предано, и Своей Крови, которая за нас пролита.

Почему это именно три чтения, всегда взятые из трёх различных разделов Библии?

Потому, что соотношение между тремя чтениями, выбранными по данному принципу, делает очевидной сложную структуру Откровения. Действительно, Слово Божие во всей своей полноте звучит как духовная симфония, в которой каждое отдельное созвучие важно для того, чтобы лучше почувствовать красоту и значение целого. Звучание аккорда нельзя передать какой-то одной из образующих его нот; многоголосное пение не может быть сведено к партии басов или сопрано.

Как распределяются три чтения? В соответствии с трёхгодичным циклом по воскресеньям и праздникам (или двухгодичным по будням) – как в синагогальном богослужении, но уже со знанием о Христе. Благодаря этому христиане могут полнее осмыслить целостность Писания.

Чтобы лучше понять, каким образом строятся и сочетаются чтения, предлагаемые для углубления нашей веры и молитвы новым Лекционарием, мы должны начать с Евангелия.

Евангелие

Не кто иной, как Сам Христос говорит со Своей Церковью словами Евангелия. Вот почему чтение Нового Завета более торжественно, чем другие. Речь идёт не просто о записанном Слове Божиим, но о Слове, реально воплотившемся и действительно присутствующем в таинстве Церкви. Эта реальность и это видение веры предполагают следующее:

- Прежде всего, собрание встаёт. Зачем? Просто из уважения, как встают школьники в классе, когда входит учитель или директор? Нет, смысл этого гораздо

глубже. Ведь встать, в соответствии с христианской символикой жестов и действий, значит распрямиться подобно прикованному к постели паралитику, поставленному на ноги Иисусом (ср. Лк 5. 25). Кроме того, это напоминание о восставшем из гроба Христе: *«Иисус пришёл и стал посреди них»*. Собрание встаёт — и словно возрождается; оно приветствует приход Христа воскресшего в среду Его братьев, которых Он воскрешает. Стоя мы поём *«Аллилуия»*, слава приход Христа — Благою Весть Божию.

- Право провозглашать Евангелие принадлежит рукоположенному служителю (епископу, священнику, диакону). Будучи сообразен Христу-Главе благодаря таинству священства, он свидетельствует перед собранием, что это Слово — не какое-то обычное, но что его голосом живой Христос обращается к Своей Церкви. Рукоположенный служитель — залог этого евангельского Слова. Отсюда два торжественных возгласия, равнозначно и лаконично обрамляющих чтение: первое — после того как священник представит Евангелие (*«Чтение святого Евангелия от...»*) — *«Слава Тебе, Господи»*; второе — благодарение в конце, после свидетельства священника (*«Слово Господне»*) — *«Слава Тебе, Христе»*.

Таким образом мы признаём, что в Благой Вести говорит Сам Христос. В Нём исполнились все обетования Писаний и осуществились все дары Бога Своему народу.

Ветхий Завет

Но «мелодия» Евангелия слышна в симфонии Слова Божия только тогда, когда она проходит сквозь всю Библию — ради нашего спасения и нашей радости. И действительно, Откровение разворачивается постепенно, как говорит о том Григорий Назианзин: *«Ветхий Завет ясно проповедо-*

вал Отца, а не с такой ясностью Сына; Новый открыл Сына и дал указания о Божестве Духа; ныне пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нём познание».

Итак, вернёмся к первому чтению — к Ветхому Завету. Отрывки, выбранные для Лекционария, призваны показать нам глубинную связь между Словом Божиим, данным в Писании, и Словом воплотившимся, говорящим в Евангелии. Писания согласуются друг с другом и поясняют одно другое. Ибо существует связь (историческая, пророческая, сакраментальная) между откровением Бога Моисею и пророкам — и Сыном, воплощённым Словом Божиим. Голос Бога Отца, слышимый на протяжении всего Ветхого Завета, — это тот же голос, который слышат ученики Христа, ставшие свидетелями Его преображения: *«Сей есть Сын Мой Возлюбленный. Его слушайте»* (Мф 19. 5). Иисус открывает Отца: *«Видевший Меня видел Отца»* (Ин 14. 9). Но, чтобы услышать Иисуса, говорящего в Евангелии, нам нужно принять Слово Отца, обращённое к Израилю. Бог готовит Своих детей к Дару благодати, который Он предназначил им — и вложил в сердца их стремление к нему, — как тогда, когда Израиль находился в пустыне: *«[Господь, Бог твой,] смирял тебя, томил тебя голодом, и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живёт человек, но всяким (словом), исходящим из уст Господа, живёт человек... И знай в сердце твоём, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего»* (Втор 8. 3, 5).

Вот почему чтение Ветхого Завета не является вопросом эрудиции или личного вкуса. Оно не просто должно проиллюстрировать Евангелие. Исключительным и совершенно незаменимым образом оно вводит нас в историю спасения, в тайну Отца, Сына и Духа. Церковь не перестаёт благодарить, воспевая Песнь Богородицы (*Magnificat*) — всю радость Благовещения о Мессии: *«[Бог, Спаситель Мой,] воспринял Израиля, отрока Своего, воспо-*

мянув милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века» (Лк 1. 54—55).

Апостольские книги

Нам остаётся рассмотреть второе чтение — апостольские книги. Они составляют часть Нового Завета. Будучи богодухновенным Писанием, они представляют особое, своеобразное слово Откровения, доносят до нас свидетельство, данное Святым Духом через апостольское поколение.

Так, согласно высказыванию Григория Назианзина, которое я приводил выше, сначала мы слышим слово, открытое Отцом, затем принимаем из апостольских книг то, что Сам Дух дал услышать апостолам; наконец, открытым, обретшим удвоенную чуткость слухом (ср. Пс 40. 7) мы во всей полноте принимаем евангельское Слово, Которое есть Сын.

Псалмы — сердце Писания

Псалом, следующий за отрывком из Ветхого Завета, обнажает глубинную связь между тремя чтениями. Не буду повторять (я говорил об этом в III главе), насколько важное место занимают псалмы в нашей религиозной жизни. Их надо знать, любить, учить как второй родной язык, без которого мы не можем ни вникнуть в Писание, ни понять Слово Божие.

Они совершенствовались на протяжении всей ветхозаветной истории. С уверенностью можно сказать, что сто пятьдесят псалмов, составляющих нашу Псалтирь, — это сокровище, одухотворённое и отчеканенное в веках молитвой народа Израилева, Самого Иисуса, апостолов, а затем и Церкви — до скончания времён. Псалмы оказываются своего рода перекрёстком, позволяющим нам перейти от слова Отца к живому слову Сы-

на, обретая опыт Духа Святого. Как «сумма всего Писания» псалмы являются лучшим способом духовного приобщения не только к Ветхому, но и к Новому Завету. Они образуют как бы мозаику, сложенную из разных молитв, или, если угодно, калейдоскоп. Они проходят красной нитью через все страницы Библии. Каждое слово любого псалма находит многочисленные связи и созвучия и в Ветхом, и в Новом Завете. Ибо Христос и апостолы, которые знали эти тексты наизусть, непрестанно о них размышляли и их использовали.

Кто мало-помалу научится молиться словами псалмов, как бы идя с ними сквозь всю Библию, в один прекрасный день заметит: «Надо же, я понял это место, его подтекст, с первого раза; раньше оно мне ни о чём не говорило, а сегодня вдруг обрело смысл». И для вас окажется полной неожиданностью услышать, как Бог говорит с вами.

Ведь псалмы настраивают наше сердце на песнь Божию.

VIII ОТКЛИК ЦЕРКВИ НА СЛОВО БОЖИЕ

После слушания трёх чтений следует вторая часть Литургии Слова — на этот раз ответ Церкви: она разворачивается в виде трёх действий, которые я сперва назову, а потом рассмотрю подробно:

- проповедь священника;
- исповедание веры Церкви;
- Молитва верных.

Проповедь священника

Обычно она составляет единое целое с провозглашением Евангелия. Это поистине действие Христа, Который устами священника осуществляет присутствие Своего Слова. Вот почему, подчеркну ещё раз, всегда именно рукоположенный служитель должен говорить проповедь — желательно, священник, предстоятельствующий при совершении Евхаристии. Случается и так, что кого-то из верных приглашают во время Мессы принести своё свидетельство, но это вовсе не должно заменять проповедь.

Итак, проповеди присущ совершенно особый характер. Это не урок катехизиса, не лекция по богословию, тем более — не выставление напоказ своей личной жизни и не упражнение в красноречии. Для священника это чётко определённая миссия, масштаб которой отличается от любого публичного выступления и к которой предъявляются совершенно иные требования. Он должен сделать насущным и доступным для собрания то Слово Христово, которое только что было провозглашено..

Поэтому верующие совершили бы ошибку, если бы стали судить об уровне проповеди по тому, хорошо или плохо говорит проповедник. Мы, христиане, должны задаться вопросом: слушаем ли мы эту проповедь как обращение Бога к нам, независимо от её недостатков или несовершенств? Ищем ли мы возможности услышать Бога через Его священника? Или мы используем недостатки священника как предлог для того, чтобы закрыть свой слух от Бога? Чтобы эта непростая миссия была выполнена, от нас требуется не меньшее усилие веры, чем от священника. Мы связаны с ним. Вспомните призыв Иисуса после Его поучения в притче: *«Кто имеет уши слышать, да слышит!»* (Мф 13. 9) Не священник изменяет сердца верных, но Дух Святой, для Которого должны быть открыты и священник, и верующие в этом таинственном действии Церкви.

Исповедание веры Церкви

Собрание произносит *«Кредо»* — *Никоно-Константинопольский Символ веры* или же *Апостольский Символ веры*.

Некоторые говорят: «Всегда одно и то же! Почему бы не варьировать формулы, чтобы не так надоедало?» Чтобы ответить на этот вопрос, нужно попытаться понять, почему это исповедание веры вводится в Мессу именно в воскресенье. Воскресенье — день, когда Господь воскрес из мёртвых, вы это хорошо знаете. И каждое воскресенье, неделю за неделей, мы, христиане, собираясь на Мессе, празднуем Пасху Христову. Это вам тоже хорошо известно. Какова же связь между днем Пасхи и произнесением *«Кредо»*?

Вспомните: Пасха — праздник воскресения Христа и одновременно праздник крещения, ибо по благодати таинства люди, умерши со Христом, совоскрешаются с Ним. Именно поэтому верующие призваны обновлять обеты своего крещения — особенно в Навечерие Пасхи, но также и каждое воскресенье.

Теперь хочу напомнить вам, каким образом разворачивалось это крещальное исповедание веры в древней Церкви. Священник спрашивал оглашенного: *«Веруешь ли ты в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли?»* «Верую», — отвечал тот. И священник погружал его первый раз в крещальные воды. Затем он спрашивал: *«Веруешь ли ты в Иисуса Христа, Единственного Его Сына, Господа нашего, рождённого от Девы Марии, страдавшего и погребённого, воскресшего из мёртвых и восседающего одесную Отца?»* «Верую», — отвечал крещаемый, и священник погружал его в воду второй раз. Наконец он спрашивал: *«Веруешь ли ты в Святого Духа, святую Вселенскую Церковь, общение святых, прощение грехов, воскресение тела и жизнь вечную?»* «Верую», — отвечал крещаемый перед погружением в третий раз.

Следовательно, наше исповедание веры в том виде, в каком оно звучит в нынешней воскресной Мессе, в основе своей имеет это тройное вопрошание и тройной ответ при совершении крещения. Произнесение «Кredo» есть знак подтверждения веры всех христиан и одновременно воспоминание каждым своего собственного крещения. Провозгласить слова, принятые неразделённой Церковью (то есть ещё до всех великих расколов), — значит вспомнить о том, как мы стали детьми Отца Небесного, Телом Христа, храмом Духа Святого, членами Церкви.

Таким образом, исповедание веры призывает нас не только совершить воспоминание нашего крещения, но также выразить и **единство Церкви**, основывающееся на этом таинстве, которое делает каждого христианина единым со Христом. Евхаристия, Таинство единения, довершает посредством приношения Тела и Крови Христовых, преподаваемых при Причащении, ту любовь, которую Дух Святой уже родил в Церкви таинством крещения.

Мы говорим: «Верую» (то есть «я верую»). Что означает это «я»? Прежде всего, лично меня. Даже если я испыты-

ваю сомнения, даже если мне неясен тот или иной вопрос в учении Церкви, я произношу слово «верую», выражая свою волю присоединиться **к вере Церкви** — вере, большей, чем моя «малая вера». Более того, моими устами Церковь произносит во всеуслышание: «Верую».

Мы сможем лучше понять такое отношение через аналогию. Вспомним слова священника перед Причастием, который, обращаясь ко Христу, просит Его: *«Не взирай на грехи наши, но на веру Церкви Твоей»*.

Сейчас я напомнил вам *«Верую в Бога»* — текст *Апостольского Символа веры*. А более развёрнутое *«Кredo»*, чаще всего произносимое по воскресеньям, является догматическим текстом, выработанным на Никейском и Константинопольском Вселенских Соборах (325 и 381 гг.). Эти два исповедания веры — залог единства христиан, поскольку все Церкви хранят их как «символы», знаки признания общей веры. Знание этих текстов и бережное отношение к ним — свидетельство экуменической надежды. Католики в первую очередь должны хранить живую память этих знаков единства Церкви; им не следует вводить исповедания веры, являющиеся плодом фантазии той или иной общины или личности, будь это даже святой.

Итак, чтение или пение *«Кredo»* во время воскресной Мессы — это ответ собрания на Откровение, являющее через Слово присутствие тайны Бога — Отца, Сына и Духа; нашего Творца и нашего Искупителя.

«Кredo» выражает кафолический ответ каждой конкретной общины и говорит о её единстве. Наконец, оно становится знаком надежды на воссоединение всех христиан, живых и умерших, в крещении принявших то же исповедание веры.

Молитва верных

Молитва верных, которая, к счастью, возвращена на своё законное место литургической реформой Второго Ватиканского Собора, напоминает верующим об одной очень древней традиции. До нас дошли прекрасные тексты, созданные первыми поколениями христиан; в них засвидетельствовано то, что мы назвали бы «молитвой проповеди» (ряд молитвенных интенций, т.е. намерений или помышлений, предлагаемых священником во время проповеди).

Молитва данного собрания, ограниченная данным местом и данным временем, расширяется до масштабов Вселенской Церкви: отсюда и её название «Всеобщая молитва». Она именуется также «Молитвой верных» — поскольку священник только начинает и завершает эту молитву, а верные просят о нуждах людей. Не ограничивающаяся выражением молитвенных намерений одной лишь конкретной общины, Молитва верных становится молением всего христианского народа. По сути, всё Евхаристическое богослужение является молитвой Вселенской Церкви о Вселенской Церкви. Вот почему одна конкретная община может называться кафедральной. Она служит не свою собственную Литургию, но Литургию Церкви. Она выражает это не только посредством служения предстоятельствующего священника в общении с его епископом, но и поминанием в Евхаристической молитве Папы, а также законного епископа данного места и всех епископов.

Наиболее потрясающий образец этой молитвы представлен великой ходатайственной молитвой Страстной Пятницы, звучащей в тот час, когда Церковь созерцает своего Господа Христа, пригвождённого к крестному дереву и приносящего Свою жизнь в жертву Отцу Небесному ради спасения мира.

Так завершается Литургия Слова. Она разворачивается во всём своём богатстве и красоте и становится действием, настолько насыщенным духовно, что позволяет плавно перейти к Евхаристической Литургии, с которой, как я вам уже объяснял, она составляет единое целое.

ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЛИТУРГИЯ

IX ВРЕМЯ ПРИНОШЕНИЯ ДАРОВ

И вот начинается Приношение даров (Офферторий). Если использовать сравнение из области музыки, то это похоже на интерлюдия между двумя частями музыкального произведения, которым в Литургии соответствуют провозглашение Слова Божия и собственно Евхаристическая молитва.

Итак, пусть наш взор обратится к **алтарю**. Алтарь, которым в первые века существования Церкви нередко служила гробница мученика, есть знак и символ Христа: одновременно Священника, Жертвенника и Жертвы. В традиции великих религий мира, в частности в иудаизме, алтарь — это священный стол для жертвоприношения. Значит, это нечто иное, чем просто какой-нибудь сервировочный столик! Литургические предписания настоятельно требуют: алтарь должен предстать во всей своей красе и простоте. На нём не должно находиться никаких предметов, кроме тех, которые необходимы для совершения Евхаристии.

На алтаре, покрытом алтарным покровом, с самого начала Мессы стоят светильники. В прошлом на алтарь или к его подножию ставились свечи, которые несли сопровождавшие священника служители во время входной процессии. Зачем зажигают свечи? Не для того, чтобы осветить храм при отсутствии электричества, но потому, что живое пламя с древних времён символизирует воскресшего Христа, «Свет миру». Вспомните пасхальную свечу, зажигаемую в пасхальную ночь. Кто знает: быть может, это восходит к иудейскому обычаю, когда хозяйка дома зажигала светильник перед субботней трапезой? Дева Мария делала это каждую субботу.

Над алтарём высится крест.

Миссал, лежащий на алтаре, должен быть раскрыт. Наличие необходимого текста перед глазами предстоятеля позволяет ему не беспокоиться о том, что он что-то забудет.

Таким образом должно быть подготовлено место, где на корпорал будут положены приносимые дары.

Сбор пожертвований: свидетельство приношения

Что происходит в это время? Для начала имеет смысл поговорить о сборе пожертвований. Вы скажете: «Это низко и утилитарно. Сбор денег отвлекает. Лучше бы перенести его на другое время, чтобы он не нарушал состояния духа молящихся. Ну, например, на время выхода из храма...» Но это вовсе не очевидно. Лучший момент для сбора пожертвований — именно этот. Почему? Да потому, что пожертвования верующих — не разновидность налога и не плата за место в храме, но нечто значительно большее.

Это — конкретное наше участие в делах братской любви, участие христиан в материальной жизни Церкви, помощь ей в её нуждах. Посмотрите на цифры, которые значатся в годовом отчёте хозяйственного комитета вашего прихода: плата за электричество, за отопление, за техническое обслуживание, зарплата ризничего, органиста, секретаря, расходы на ксерокопирование и многое другое. Но это ещё не всё. Ваши пожертвования помогают Церкви исполнять её миссию помощи нуждающимся братьям.

Вспомните, как святой апостол Павел собирал средства для Иерусалимской церкви. Довольно часто пожертвования делались не только денежные, а в виде необходимых вещей.

Как бы то ни было, этот сбор является по-своему важной частью литургического Приношения даров. Собираемые таким образом деньги оказываются материальным

символом приношения нами в дар самих себя, своих сил и своей энергии. Вот почему сбор приурочен именно к этому моменту Мессы.

Но когда эти деньги собраны, их лучше всего отнести в ризницу. Не следует ставить их под алтарём и тем более на алтарь. Деньги не являются «веществом» Таинства Евхаристии, даже если посредством нашего дара мы стараемся показать, что всей своей жизнью присоединяемся к приношению хлеба и вина, которые станут Телом и Кровью Христа.

Предложение хлеба и вина

Хлеб и вино, необходимые для совершения Евхаристии, могут быть принесены торжественной процессией, идущей к алтарю из той части храма, где находится собрание. Во время приготовления даров может играть орган.

Предстоятель предлагает Богу сперва хлеб, которому надлежит стать *«хлебом жизни»*, а затем вино, которое *«станет питием спасения»*, предварительно добавляя в него немного воды и молясь: *«Через эту тайну воды и вина да приобщимся мы к Божеству Того, Кто ради нас стал Человеком»*.

Святой Киприан Карфагенский видел в обычае смешивать вино с водой, заимствованном Христом из иудейской традиции, символику нерасторжимого единства Христа в Его Страстях (вино) и Его Церкви (вода, наше греховное человеческое естество).

Также и молитвы, которые произносит священник, предлагая хлеб и вино, являются благословениями, которые произносил Сам Иисус: *«Благословен Ты, Господи, Боже вселенной, по щедрости Твоей Ты дал нам хлеб... По щедрости Твоей Ты дал нам вино – плод лозы и трудов человеческих...»* Земля — это Земля обетованная, где народ может праздновать славу Божию. Труд человеческий — тоже плод милостей Божиих, и для верующего естественно благодарить за него Бога.

Омовение рук

После этого предстоятель приклоняется и смиренно молит Господа принять эту жертву.

Кроме того, на торжественных Мессах он может совершить каждение даров и алтаря, после чего совершается каждение перед ним самим и перед всем собранием — Церковью, Телом Христовым, Храмом Духа Святого.

После этого, тихим голосом говоря: *«Омой меня, Господи, от беззакония моего и от греха моего очисти меня»*, — предстоятель оmyвает водою свои руки. Не следует неправильно понимать обряд омовения рук, именуемый также *«Lavabo»* — по первому слову латинского текста фрагмента 25-го псалма, которым прежде сопровождался этот обряд: *«Буду оmyвать в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи»*.

Некоторые историки объясняют обычай оmyвать руки в конце Приношения даров тем, что первоначально это делалось из чисто практических соображений. У предстоятеля, говорят они, руки бывали запачканы после того, как он принимал от верующих дары в виде продуктов. Однако на самом деле этот обряд занял своё место в Евхаристической Литургии в знак верности иудейскому богослужебному жесту очищения и покаяния.

Этот простой жест предстоятеля, перенятый из иудейской традиции, занимает вовсе не какое-то второстепенное место; всё его значение в том и состоит, что он вновь связывает нас с тем, что совершал Иисус.

«Это такая мелочь», — скажете вы. Но эта мелочь помогает нам лучше увидеть, куда уходит корнями наше евхаристическое богослужение.

Жертва всей Церкви

Все молитвы, сопровождающие различные действия во время Приношения даров (когда предлагаются хлеб и вино, когда служитель Божий смиренно приклоняется,

когда он оmyвает руки), должны по возможности произноситься предстоятелем совсем тихо. Немецкие епископы, кстати, настаивали на том, чтобы они произносились громко, в то время как народ поёт песнопение на Приношение даров.

Хотелось бы кое-что уточнить в этой связи. Одни молитвы произносятся тихо, а другие в обязательном порядке во всеуслышание потому, что этого требует данный литургический «момент» и данное литургическое действие. Как я уже говорил, Приношение даров — это такой момент богослужения, когда каждый из участников делает то, что ему подобает делать: так, священник в это время молится тихим голосом. Напротив, Слово Божие и Евхаристическая молитва всегда произносятся во всеуслышание, так чтобы все могли слушать и внимать. «Внемлем» — говорил на Востоке диакон, ритуально призывая к тишине собрание, которое было весьма шумным во время долгих восточных богослужений.

Каждая часть Мессы завершается молитвой предстоятеля в полный голос. В это время собрание молится стоя:

- по окончании обряда Входа — Вступительная молитва (см. гл. VI);
- в конце Литургии Слова — Молитва верных (см. гл. VIII);
- при завершении Приношения даров — Молитва над дарами;
- наконец, в завершение Евхаристической Литургии
- Молитва после Причащения (см. гл. XV).

Иначе говоря, предстоятельствующий священник соединяет всё, что он перед этим сделал, и всё, что перед этим переживало собрание, в одной молитве, сочетающей в себе благодарение и прошение, — в молитве, которая струк-

турирует ход Божественной Литургии; в молитве, которая от лица всех нас произносится громким голосом и почти всегда обращена к Богу Отцу *«через Иисуса Христа, Господа нашего, в общении Святого Духа»*.

В следующей главе мы приступим к Евхаристической молитве. Однако сейчас остановимся ненадолго на словах, которыми священник приглашает нас к молитве, и поразмыслим над ними: *«Помолимся все вместе в то время, как приносится жертва всей Церкви»*; собрание отвечает на это: *«Ради славы Божией и спасения мира»**

Евхаристическое богослужение вашей общины, вашего прихода — это **приношение жертвы всей Церкви**. Таким образом, вы собрались не затем, чтобы «отметить» то, что каждый из вас пережил или все вы вместе пережили за прошедшую неделю. Ваше собрание не создаёт **свою собственную** Мессу. Напротив, вы призваны преодолеть собственные границы, чтобы войти в **дело всей Церкви**, которое, как мы увидим, есть дело Самого Христа. Почему? Повторим эти слова, может быть, довольно трудные для понимания: *«Ради славы Божией»*, которая открывается в *«спасении мира»* (как говорит св. Ириней Лионский), и *«ради спасения мира»*, в котором проявляется *«слава Божия»*. Вот каково то дело, к участию в котором призываются все христиане, когда они «созываются» (именно таков первоначальный смысл слова «церковь» — по-гречески «эклесиа» означает «созывание») для совершения Божественной Литургии.

Второй Ватиканский Собор в Конституции «Lumen gentium» (ст. 11) говорит об этом вот что: *«Участвуя в Ев-*

---

* Эти слова приводятся в соответствии с их французской версией, сильно отличающейся как от латинского оригинала, так и от довольно точно следующего ему принятого у нас перевода («Молитесь, братья и сёстры, дабы моя и ваша жертва была угодна Богу Отцу Всемогущему. — Да примет Господь эту жертву из рук твоих во хвалу и славу имени Своего, ради блага нашего и всей Церкви Своей Святой»). — *Прим. пер.*

харистической жертве, источнике и вершине (culmen) всей христианской жизни, верующие приносят Богу божественную Жертву и с Нею самих себя. Таким образом, как через приношение, так и через Святое Причастие, не смешанно, но каждый по-своему, они все имеют соответствующее участие в священнодействии. И, насыщенные Телом Христовым в Святом Причащении, они действительно являют единство Народа Божия, столь совершенно знаменуемое и столь дивно осуществляемое в этом великом Таинстве».

X ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА

Евхаристической молитвой (Евхаристическим каноном) мы называем ту часть Мессы, которая начинается диалогом, вводящим нас в Префацию: *«Ввысь сердца... Возблагодарим Господа Бога нашего...»* (потому что эта молитва и названа Евхаристической, т.е. молитвой благодарения), а оканчивается словом *Аминь* — ответом собрания на восхваление Бога Отца через Христа в силе Святого Духа.

Но прежде всего давайте остановимся на значении слова «Префация», чтобы избежать ошибок в его понимании. Если в современном французском языке оно означает предисловие к какой-то книге, то здесь Префация выступает в значении латинского *«praefatio»* — слова, произнесённого предстоятельствующим священником публично, торжественно, в полный голос перед всем собранием.

И действительно, именно епископу или священнику — ему и только ему — поручена миссия произнести эту молитву благодарения, в которой соединяется всё собрание. Почему это так?

Обратим внимание на начало первой фразы, практически идентичной во всех Префациях: *«Воистину достойно и праведно, должно и спасительно нам всегда и везде благодарить Тебя, Господи, Отче Святой, Всемогущий вечный Боже».*

А теперь вспомните завершение этой великой молитвы благодарения: *«Через Христа, со Христом и во Христе Тебе, Богу Отцу Всемогущему, в единстве Духа Святого всякая честь и слава во веки веков. Аминь».*

Молитва, обращаемая священником к Отцу

В этих двух фразах — в первой и в последней — мы обнаруживаем самую суть Евхаристической молитвы, которая оставалась неизменной на протяжении веков. Евхаристическая молитва всегда полностью **обращена к Отцу**. Она произносится и совершается **во имя Христа**, «*через Него, с Ним и в Нём*», ради Его собравшейся Церкви, соединённой с Его жертвой **в Святом Духе**. Право произносить эту молитву принадлежит **священнику**.

Священник, неся на себе печать таинства священства, «*уподобляется Христу-Священнику*» (Декрет Второго Ватиканского Собора о служении пресвитеров, 2). Напомню вам: действуя *in persona Christi Capitis* («от лица Христа-Главы» — Главы Своего Тела), священник даёт собранию возможность войти через Таинство Евхаристии в уникальные взаимоотношения со Христом Господом. Личное действие рукоположенного служителя (епископа или священника) осуществляет по отношению к Церкви, Телу Христову, действие её Главы, её Начальника Иисуса, Сына Божия, Который приносит Себя за неё в жертву и соединяет её со Своей Жертвой. Эта личная и исключительная роль священника — даже если при сослужении все священники действуют сообща — становится очевидной из евангельского рассказа об установлении Евхаристии, когда Иисус непосредственно обращается к Своей Церкви: «*Это есть Тело Моё, которое за вас будет предано. Примите и вкусите от него все*». Тем более примечательно, что вся Евхаристическая молитва, которая традиционно произносилась одним только предстоятелем, говорится от первого лица во множественном числе: «*мы*».

Это торжественное «*мы*» выражает общность епископа и священников со всей коллегией апостолов, которая является залогом мира и единства Церкви, как говорится об этом в начале наиболее чтимой из всех Евхаристических молитв — Первой, древнего «Римского кано-

на» (советую вам сегодня перечитать его). Но это «мы» означает также весь собравшийся народ, всю Вселенскую Церковь, всех живых и умерших, о которых сегодня молится священник.

Второй Ватиканский Собор особо подчёркивал это: *«Священник, получивший священную власть, воспитывает священный народ и управляет им, приносит Евхаристическую Жертву от лица Христа (in persona Christi) и предлагает её Богу от имени всего народа»* (Lumen gentium, 10).

Участие верных

Каким же образом собрание принимает участие в приношении жертвы Христовой, которое осуществляется силою Святого Духа и служителем которого является священник?

Собрание всецело участвует в евхаристическом священнодействии. С самого начала Божественной Литургии собрание являет собою зримый образ Церкви, Тела Христова, — благодаря своей вере, надежде и любви. Принятие друг друга братьями и сёстрами Христа, принятие Слова Божия и крещальное исповедание веры собрали воедино *«рассеянных чад Божиих»* в Церкви, способной совершить жертву Христову и принести себя в жертву вместе с Ним. Божественная Литургия завершается приобщением Телу и Крови Христа. Каждый соединяется — очень лично и очень глубоко — с Самим Христом, чтобы образовать тем самым единое Тело — Церковь, объёмлющую все народы, вобравшую в себя людей, которых Бог любит от начала до скончания времён.

Тем не менее следует подчеркнуть значение словесного участия собрания в Евхаристической молитве, произносимой священником.

Прежде всего, в начале Евхаристической молитвы собрание ведёт диалог со священником, где стороны призывают друг друга к благодарению:

«Ввысь сердца.

— Возносим ко Господу.

Возблагодарим Господа Бога нашего.

— Достойно это и праведно».

Кроме того, в конце Евхаристической молитвы звучит *доксалог* (греческое слово, означающее славословие). Произносит его только священник, возносящий Тело и Кровь Христа: *«Через Христа, со Христом и во Христе Тебе, Богу Отцу Всемогущему, в единстве Духа Святого всякая честь и слава во веки веков»*, — а всё собрание единодушно завершает хвалу словом **Аминь**, которое выражает веру и благодарение.

Внутри самого Евхаристического канона есть одна важная молитва, также произносимая всем собранием вместе со священником; это *«Санктус»*: *«Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф...»*

Этот литургический текст, помимо всего прочего, напоминает нам, что поклонение земной Церкви совершается **единым гласом** с поклонением **невидимых созданий**, которые упомянуты в видении Исаии (б. 2—3), откуда и заимствован этот текст, представляющий собой одну из самых древних частей богослужения: Сам Иисус пел его во время молитвы в синагоге.

Молитвы ко Христу

«Но разве не молимся мы непосредственно Христу во время Мессы?» — возразите вы. Да, несомненно. Однако давайте поподробнее рассмотрим, в какие моменты и какими словами. Мы с вами уже размышляли об Обряде покаяния в начале Мессы: верующие призывают Христа избавить их от грехов (*«Христе, помилуй»*). Вы помните возглашение собрания перед началом и по окончании чтения Евангелия, когда воздаётся хвала Христу, Который обращается к нам с Благой Вестью.

Во время Евхаристической молитвы после освящения Даров собрание «творит воспоминание» («анамнесис») Христа, Который *«умер и воскрес»*. В ответ на призыв предстоятеля признать эту *«тайну веры»* верные обращаются ко Христу, присутствующему на алтаре в Святых Дарах: *«Смерть Твою возвещаем, Господи, и воскресение Твое исповедуем, ожидая пришествия Твоего»*.

Наконец перед Причащением во время преломления освящённого Хлеба собрание поёт или просто произносит небольшую литанию, обращаясь с молением ко Христу Иисусу, Агнцу Божию. Мы просим Христа о милости к нам, грешникам, и молим Его: *«Даруй нам мир»*.

Следует добавить также несколько слов о первой из тех трёх молитв, которые священник в прошлом произносил тайно, готовясь к Причащению. Теперь уже во всеуслышание после *«Отче наш»* от имени всего собрания он молится: *«Господи Иисусе Христе, Ты сказал апостолам Своим: мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам. Не взирай на грехи наши (уже не «мои», как прежде, когда священник произносил эту молитву только о себе самом, а «наши»), но на веру Церкви Твоей и по воле Твоей благоволи умирить и объединить её»*.

Если священник хочет, он может произнести и вторую молитву: *«Господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, по воле Отца при содействии Святого Духа смертью Своею оживотворивший мир, Священным Телом и Кровью Своею избавь меня от всех беззаконий моих и всякого зла, помоги всегда блюсти заповеди Твои и не дай мне отпасть от Тебя»*. Или третью: *«Причащение Тела и Крови Твоей, Господи Иисусе Христе, да не будет мне в суд и осуждение и по милосердию Твоему да охранит и исцелит душу мою и тело»*, — тихим голосом, в смиренном расположении духа подлинного христианина, который готовится к принятию Тела и Крови Христа.

Все эти молитвы в некотором смысле прерывают общее движение Евхаристии, в котором Церковь обращается к Отцу **через Христа** в Духе Святом.

Так Церковь, состоящая из грешников, обращается к Иисусу, своему Искупителю, Церковь-Невеста взывает ко Христу, своему Жениху, чтобы сделаться участницей Его брачного пира.

Действие Святого Духа

II, III и IV Евхаристические молитвы, в которых сохранены отголоски очень древней традиции, содержат два явно обращённых к Отцу прошения (*«эпиклесиса»*) ниспослать Духа Святого на Евхаристическое Тело Христово и на церковное Тело Христово. Первое звучит перед освящением даров: чтобы Дух Святой *освятит* принесённые хлеб и вино и они стали Телом и Кровью Сына Божия. Затем, после освящения Даров, — другое: чтобы верные, укреплённые Телом Христовым, исполненные Духа Святого, стали сами вечным приношением во славу Отца.

Но если смотреть глубже, то всё евхаристическое священнодействие совершается в Святом Духе.

Как видите, завершение Евхаристической молитвы — *«Через Христа, со Христом и во Христе...»* — удивительно лаконично выражает двойной смысл Евхаристии Христовой: литургическое действие Церкви и действие Бога — Отца, Сына и Духа, — Бога, приобщающего нас Своей жизни.

ХІ ЖЕРТВА БЛАГОДАРЕНИЯ

Вся Евхаристическая молитва обращена к Богу Отцу. Для того чтобы лучше понять её, зададим себе три вопроса: кто говорит? Кто приносит жертву? Кто приносится в жертву?

Кто говорит?

- Священник.

Это вполне очевидно, об этом шла речь выше. Но когда он говорит в полный голос, то всегда говорит от первого лица во множественном числе: «*мы*», «*наши*»... Его устами говорит вся Церковь, всё Мистическое Тело Христово. По ходу этой молитвы, обращаясь к Богу Отцу, священник говорит Ему «Ты». А когда речь идёт о Иисусе Христе, священник говорит о Нём в третьем лице: «*Накануне Своих страданий Он взял хлеб во святые и досточтимые руки Свои... преломил и подал ученикам Своим, говоря...*»

- Христос.

Вот в этот самый момент Евхаристической молитвы, к которому мы подошли, священник начинает говорить от первого лица, передавая свой голос Христу и оставляя за Ним произнесение тех слов, которыми устанавливается Евхаристия: «*Это есть Тело **Моё**, которое за вас будет предано... Это есть чаша Крови **Моей** [...] которая за вас и за многих прольётся... Это совершайте в память обо **Мне***».

- Церковь.

Через служение священника, который может вот так произносить слова, сказанные Самим Иисусом, таинственно

осуществляется присутствие в собравшейся Церкви единственной в своём роде Жертвы Христа. Всякая Евхаристическая жертва является истинной жертвой, которая всегда едина с Жертвой Крестной.

Таким образом, Христос, священник и Церковь в неразрывном единстве говорят и действуют в этой Евхаристической молитве, обращённой к Отцу. И наши грамматические пояснения очень важны, потому что они помогают нам ощутить ту тайну, в которую мы входим, эту исключительную тайну спасения — вверенную Церкви тайну Христа, Который умер и воскрес. Да, воистину — как священник говорит нам об этом после освящения Даров: *«Велика тайна нашей веры»*.

Евхаристия — приношение и жертва

Греческое слово Евхаристия значит «благодарение». В сущности, молитва, именуемая Евхаристической, начинается с первых слов Префации (см. гл. X) — со слов, благословляющих Бога за всё, и особенно за дарованное нам спасение. Вот почему христианское благодарение — сама молитва Христова — не просто слова, не просто вежливая благодарность Богу за все Его благодеяния.

- Евхаристия по сути своей является приношением.

Приношение Богу не идёт ни в какое сравнение с ценным подарком, купленным для друга, и даже с дарением какой-то своей собственности, когда говорят родственнику: «Я дарю тебе то, что принадлежало мне и что я берёг как зеницу ока», — имея в виду, что отрывают это от сердца. Или когда супруги, говоря друг другу: «Я отдаю тебе себя», — становятся взаимным даром, соединяются в любви и думают прожить вместе всю жизнь. Но этот дар проходит испытание временем, и бывает, что две личности сталкиваются с невозможностью обрести полную гармонию — телесную и душевную....

Евхаристия — нечто значительно большее. В ней мы приносим себя в дар Богу во всей полноте: нашу свободу, наш разум, наше сердце. Это приношение, которое саму нашу жизнь и нас самих делает Божиими, приобщает к Его любви.

Таким образом, когда мы обращаемся к Богу и воздаём Ему благодарность со Христом, через Христа и во Христе, Евхаристия является одновременно приношением и жертвой.

• Жертва в полном смысле слова.

Евхаристия — не жертва заклятия, подобная кровавым жертвоприношениям животных в ветхозаветные времена, но нечто большее — то, что отдаётся в распоряжение Богу, переносится в святилище Божие, «посвящается» (как говорит об этом святой Августин, давая определение жертвоприношения). Приносить жертву — значит посвящать, отдавать в собственность Богу, на благоую волю Его.

Жертва примиряет нас с Богом — не потому, что наш дар должен Его задобрить (как будто можно подкупить Бога!), но потому, что подлинная жертва является прежде всего жестом любви, которая противостоит греху, представляющему собой отказ от благодарения и своего рода «евхаристию наизнанку». Грех — это отвращение от Бога и любовь к самому себе вплоть до неприятия Бога, вплоть до забвения Бога, вплоть до отрицания Бога, в то время как святость — это любовь к Богу и открытость к Нему вплоть до самозабвения. *«Сберёгший душу свою теряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбержёт её»*, — скажет Иисус в Евангелии (Мф 10. 39).

Истинная жертва, которую возвещали пророки и которую совершил предавший Себя на страдание Раб, предсказанный в книге Исаии (42. 1—9; 49. 1—6; 50. 4—11; 52. 13 — 53. 12), — это принесённая в любви жертва свободы, а вовсе не пролитая кровь жертвенных животных. Иисус во вре-

мя последней Вечери благословит чашу с вином, говоря: *«Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая»* (Мк 14. 24).

Пророки Ветхого Завета неустанно напоминали народу Божию подлинный смысл жертвоприношения; так, Осия говорил: *«Я милости хочу, а не жертвы (имея в виду приношения в жертву животных), и Боговедения более, нежели всесожжений (подразумевая баранов, ягнят и т.п.)»*. Для грешного человека жертва — не только знак, но и проявление вновь познанной и вновь обретенной любви к Богу — является освобождением от греха. Она восстанавливает разрушенное грехом; она изглаживает вину, хулу, тот ужас, который повлечёт за собой грех. Опустошённость, порождённую страстями и злом, она заполняет любовью созидательной; она возвращает человеку полноту и благородство чувств, она воскрешает. Истинная жертва не там, где приносятся жалкие подношения людей, хотя и такие жертвы совершались по повелению Бога (вспомните жертвоприношения в Храме по закону Моисееву). Истинная жертва, угодная Богу, как говорит псалмопевец, — *«дух сокрушённый; сердца сокрушённого и смиренного Ты не презришь, Боже»* (Пс 51 [50]. 19). Истинная жертва — сердце сокрушённое и смиренное.

- Евхаристия — Жертва Христа и Церкви.

В этой длительной духовной традиции, в этой терпеливой педагогии Божией мы лучше познаём Христа: *«Жертвы и приношения Ты не восхотел [...] всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне: я желаю исполнить волю Твою, Боже...»* — эти слова псалма 40 [39] (7—9) с полным правом могут быть отнесены ко Христу, входящему в мир (ср. Евр 10. 5—9).

Предлагая Себя в жертву благодарения, Иисус исполнил высочайшее дело Единородного Сына Божия, Слова воплощённого, Спасителя и Искупителя, Который избавил

человека от греха и ввёл его в полное общение с Богом. Именно поэтому святой Августин смог написать: *«Истинная жертва способствует нашему единению с Богом в святом сообществе ради нашего блаженства»*.

На вопрос о том, кто говорит в Евхаристической молитве, мы должны ответить: священник. Но в то же время это Иисус говорит в Своей Церкви. Вот почему евангельские слова об установлении Евхаристии, звучащие в Евхаристической молитве, производят такое сильное впечатление и сердца всех христиан обращаются к ним вновь и вновь как к неиссякаемому щедрому источнику, который не оскудеет вовеки. Прочитайте в Новом Завете четыре фрагмента: у Матфея (26. 26—29), у Марка (14. 22—25), у Луки (22. 15—20) и в Первом послании Павла к Коринфянам (11. 23—26) — и сравните их с текстом Литургии.

Кто приносит жертву?

- Христос.

В Своей Церкви, ради спасения людей Он приносит Свою жизнь в жертву Отцу. Своим братьям Он даёт Свою Плоть в пищу: *«Примите и вкусите от него все: ибо это есть Тело Моё, которое за вас будет предано»*; и Свою Кровь в питье: *«Примите и пейте из неё все: ибо это есть чаша Крови Моей, Нового и вечного Завета, которая за вас и за многих прольётся во отпущение грехов»*.

- Священник.

Как служитель Христа и служитель Церкви он sacramентально (таинственно) приносит жертву. Это ознаменовывается его словами и жестами. В конце Евхаристической молитвы (см. гл. X) жестом приношения Богу Отцу он на мгновение возносит Хлеб, ставший Телом Христовым, и Вино, ставшее Кровью Христовой, соединённые в его ру-

ках, со словами: *«Через Христа, со Христом и во Христе Тебе, Богу Отцу Всемогущему, в единстве Духа Святого всякая честь и слава во веки веков».*

И собрание от лица всей Церкви отвечает: *«Аминь».*

Этим возгласением она соединяется с жертвою Христа и приносит её при посредстве священника во славу Отца.

Кто приносится в жертву?

• Конечно, Христос.

Мы это знаем из свидетельства первого апостольского поколения. *«Христос однажды принёс Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих»* (см. Евр 9. 26—28); и ещё: *«Мы освящены единократным принесением тела Иисуса Христа»* (10. 10); Он принёс Себя в жертву однажды — и навеки, в тот момент, когда умер на кресте. Воскресший из мёртвых, навеки вознесённый во славу Отца, Он присутствует в Евхаристии. Христос приносится в Своей Плоти и Крови в *«святую и живую Жертву»* (III Евхаристическая молитва).

• Церковь.

Будучи Телом Христовым, она также приносится вместе с Главою-Христом, через Него, с Ним и в Нём. Действительно, как говорил об этом Павел VI в энциклике *«Mysterium Fidei»* в 1965 г., *«она [Церковь] постоянно отдаёт себя в жертве, ею приносимой, во вселенскую жертву, прилагая ко спасению всего мира единственную и бесконечную искупительную силу жертвы Креста».* И мы дерзаем говорить, особенно в III Евхаристической молитве: *«Обрати взор Твой на приношение Церкви Твоей и прими Жертву, примирившую нас с Тобою»* (имея в виду крестную жертву Сына Божия).

И священник продолжает: *«Да соделает Дух Святой нас вечным даром Тебе».*

Каждый из нас, членов Тела Христова, приносит жертву и сам приносится в жертву, становясь *«во Христе*

жертвой живой», по слову IV Евхаристической молитвы, или «жертвой живой, святой, благоугодной Богу», если пользоваться словами апостола Павла, побуждавшими римских христиан к духовной жизни (Рим 12. 1). Второй Ватиканский Собор поясняет: «Через служение священников эта духовная жертва верующих совершается в единении с жертвой Христа, Единого Посредника, которая их руками от имени всей Церкви приносится в Евхаристии бескровно и таинственно, пока не придёт Сам Господь» (Декрет о служении и жизни священников, 2; см. также Догматическую конституцию о Церкви «Свет народам», 11 и Конституцию о богослужении, 48).

В Божественной Литургии *действия Христа и Церкви* (по выражению Павла VI, которое было повторено в Декрете о служении и жизни священников, 13) соединяются и исполняются в благодарении и жертве: *«Христос одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых. О сем свидетельствует нам и Дух Святой»* (Евр 10. 14—15).

Да, богатство Евхаристической молитвы неиссякаемо! В Церкви, содействием Духа Святого, живущего в нас, со Христом, через Него и в Нём мы обращаемся к Отцу и становимся *«во Христе жертвой живой во славу величия»* Отца (IV Евхаристическая молитва).

XII

«ЭТО СОВЕРШАЙТЕ В ПАМЯТЬ ОБО МНЕ»

Когда мы совершаем Божественную Литургию, мы делаем то, что сделал Сам Иисус на Вечери (*вечеря* означает ужин) — на последней пасхальной трапезе, которую Он совершил вместе с апостолами и на которой Он председательствовал в соответствии с иудейским ритуалом. Это обстоятельство позволяет нам понять то, о чём мы поначалу не задумываемся.

В самом деле, если великие молитвы благодарения — Евхаристические молитвы — обнаруживают, несмотря на всё своё многообразие и различие христианских литургических обрядов, одинаковую структуру и содержат одинаковые слова, то это потому, что именно так молился Сам Иисус. То, как молимся мы в Евхаристической молитве, является продолжением того, как молился Иисус. Его молитва благодарения есть признательность Богу, Отцу Всемогущему; ею «осуществляется воспоминание» всех чудных дел, совершённых Богом — от сотворения мира до тайны спасения, обретённого через дар Тела Христа, которое было предано, и Его Крови Завета, «за многих пролитой во отпущение грехов». Это «осуществление воспоминания» дел Божиих обуславливает содержание и последовательность нашей Евхаристической молитвы.

«Санктус»

После вводного диалога Евхаристической молитвы предстоятель единолично произносит Префацию (см. гл. X); он воздаёт благодарение Богу за все Его благодеяния и особенно за то, что Он — наш Бог, что Он нас создал, призвал и избрал, чтобы мы славили Его; за то, что

Он *«удостоил нас стоять перед Ним и служить Ему»*, воспевая Ему: *«Свят, Свят, Свят Господь...»* Этот гимн — *«Санктус»* — является одним из ключевых моментов Евхаристической молитвы.

«Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф. Полны небеса и земля славы Твоей». Эти слова — первая часть *«Санктуса»*, звучащего в Божественной Литургии, — взяты из книги пророка Исаии, глава 6, стих 3. Они донеслись до слуха Исаии в тот день, когда Слава Божия — то есть сама тайна Бога — открылась перед ним в храме и когда ему возвещён был призыв стать пророком. И хотя он сознаёт себя грешником, *«человеком с нечистыми устами, живущим среди народа также с нечистыми устами»*, он всем своим сердцем слышит небесный сонм ангельских сил — серафимов. В неземном пении, где эхом отзывается обычное возгласие еврейского богослужения, невидимые создания исповедуют несравненную святость Бога и поклоняются трисвятому Богу, *«Господу Саваофу»*. Это древнееврейское выражение переводят то как *«Бог вселенной»*, то как *«Бог сил»*, то как *«Бог Всемогущий»*; *«Он — Царь славы»*, — поясняет псалмопевец (Пс 24 [23]. 10).

«Полны небеса и земля славы Твоей». Вся вселенная, простирающаяся далеко за пределы того, что могут увидеть наши очи и что может постичь наш разум, исполнена Божественной Славы. Бог во всей полноте Своей присутствует во всём — как на земле, так и в небесах. Это нельзя понимать так, как если бы Он был соразмерен миру, был бы душою мира. Но как Отец и Создатель Он содержит всё сущее в Своей могущественной деснице и всё объемлет Своей милосердной любовью.

Мессиянское возгласие

«Осанна в вышних. Благословен Грядущий во имя Господне». Эта вторая часть *«Санктуса»* представляет собой мессиянское возгласие, взятое из псалма 119 [118] (стихи 25—

26). Я упоминал о нём в V главе. Арамейское слово *Осанна*, перешедшее без перевода в христианский богослужебный обиход, означает «*Спаси же!*» Его переводят, к примеру, так: «*Будь милостив, даруй спасение*» или «*Дай, дай победу*». Этот псалом сопровождал торжественный вход в храм на седьмой день праздника Кущей, когда люди шли в процессии с ветвями в руках. Вот почему, как сообщают нам об этом все четыре Евангелиста, толпа, держа по обычаю пальмовые ветви, запоёт это песнопение, приветствуя Иисуса во время Его входа в Иерусалим как Царя-Мессию, кроткого и смиренного, сидящего на осле: «*Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!*» (Мф 21. 9)

Как видите, христиане, духовной интуицией безошибочно постигнув, Кто есть Иисус и что Он совершил, твёрдо и последовательно сохраняют в своей литургии эти два фрагмента Священного Писания как существенный и незаменимый элемент Евхаристической молитвы. Важно понимать их буквально, чтобы не исказить самого порядка совершения Евхаристии. Вот почему не только неразумно, но и недопустимо видоизменять текст этого песнопения — ради того ли, чтобы певчим было легче его исполнять, или по каким-то другим причинам, зачастую случайным и второстепенным. Конечно, перефразировать можно любые тексты, но это ещё не значит, что мы вправе это делать. Надо честно это признать и, сохраняя верность истине, принять «*Санктус*» таким, какой он есть... Возглашение «*Свят*» составляет часть синагогального богослужения, в котором участвовал Сам Иисус. Церковь признала за этим возглашением его особое христианское содержание — содержание мессианское, добавляя к нему стихи псалма 119. Перед нами, таким образом, текст одновременно ветхозаветный и церковный,

выстроенный самым совершенным образом и в литературном, и в богословском отношении.

Теперь во Иисусе, Сыне Давидовом и Помазаннике Божиим, наша Церковь, состоящая из смертных и грешных людей — даже если речь идёт о небольшой горстке людей, произносящих эти слова неуверенным голосом, — вновь и вновь воспекает в каждой Евхаристии не утрачивающий своей новизны гимн всего творения, гимн освобождённой вселенной, искупленного человечества. Соединяясь во всецелом поклонении Церкви *«с ангелами и архангелами, с престолами и господствами и со всеми небесными воинствами»*, соединяясь с созерцательной молитвой невидимой части Церкви, соединяясь с благодарением всей свободы человеческой, уже пребывающей во славе Божией, в общении святых, собранных пред лицом Божиим, мы непрестанно провозглашаем славу Отца: *«Свят, Свят, Свят...»* — во Иисусе, Святом Божиим (ср. Лк 4. 34).

Тайная Вечеря и сегодняшняя Евхаристия

Итак, в ту ночь, на Вечери, Иисус воздаёт славу и благодарение Богу, Отцу Своему и Отцу нашему. Ритуальным жестом Он воссоздаёт всю историю спасения (лучше сказать, творит её воспоминание). Это то, что мы по-своему делаем в IV Евхаристической молитве, вспоминая сотворение мира, призвание Авраама, избавление от египетского рабства с Исходом и Пасхой, дар Завета с избранным и дорогим, как дети, народом, надежду святости, присутствие Бога в Его храме, обетование Мессии — Спасителя всех людей, призванных стать Детьми Божиими в Сыне. Этим самым ритуальным жестом, с того момента ставшим сакраментальным, Иисус из любви к нам предлагает Себя в жертву в хлебе — таинстве Тела, за нас преданного, и в вине — таинстве Крови, за нас и за многих пролитой; в знак нового и

вечного Завета. Он предвдваряет Свою смерть и Своё воскресение; Он предвдваряет Свои Страсти и Свою Пасху.

В Страстной четверг Иисус, предвдваряя события, даёт Своим апостолам то, что Он совершит Своею смертью на кресте в пятницу и Своим воскресением на третий день силою Отца и Святого Духа, преобразившей Его смертную плоть в тело прославленное.

Совершая Евхаристию сегодня, мы делаем то, что сделал Иисус перед Своими страданиями: повторяем те же самые жесты, говорим те же слова, следуем тому же порядку молитвы. Но мы не должны повторять всё это механически, словно какие-то магические действия. Если мы можем и должны делать это сейчас — уже после Страстей Христовых, — то лишь потому, что Страсти Христовы охватывают и нынешнее время и что благодаря Его Страстям мы стали общниками Его воскресения.

Поскольку Христос умер за наши грехи и воскрес ради нашей жизни, поскольку через таинство крещения мы погрузились в Его смерть и Его воскресение, мы соделались членами Тела Христова и соединились в новый народ — Церковь. С тех пор, соединённые таким образом со Христом, мы способны силою Святого Духа, Который излился в сердца наши, совершать то приношение, которое Он совершил накануне Своих страданий, прежде чем погрузиться в смерть, чтобы Бог явил Своё могущество, воскресив Его. С тех пор мы можем — сегодня и каждый день — совершать благодарение, Евхаристию Иисуса, и приносить жертву, которую Он, как того требовал ритуал, принёс Отцу накануне Своих страданий, заповедуя апостолам: *«Это совершайте в память обо Мне»*.

Божественная Литургия — воспоминание нашего искупления

Жертва Божественной Литургии включает нас в действие Иисуса, совершённое накануне Его Страстей, причащает

Его крестной жертве и силе Его воскресения. Евхаристия — это в каком-то смысле литургия, которую отслужил Иисус: мы совершаем её в память об Иисусе. Таким образом, Месса является воспоминанием нашего искупления — воспоминанием совершённой Иисусом Пасхи Израиля, воспоминанием Пасхи Христовой, совершаемым «в память о Нём», как Он Сам заповедал Двенадцати. Посредством этого воспоминания мы «принимаем» сегодня совершённое раз и навсегда спасение — в надежде на его окончательное осуществление.

Что такое «воспоминание»? У французов это синоним слова «памятник», который воздвигают в честь какого-то человека или давнего события. А в Библии слова «воспоминание», «память» наполнены более богатым и точным смыслом (например, пасхальный ритуал евреи совершали в память об Исходе из Египта). Для Библии, как и для иудаизма наших дней, «воспоминание» — это «знак» и данное Богом свидетельство того, что сделал Он Сам в начале нашего спасения. Этот «знак» заверяет нас, что Бог продолжает осуществлять в каждом человеке дело спасения. И даётся нам этот знак прежде всего затем, чтобы мы вновь предъявили его Богу, стремясь обрести полноту спасения, осуществляемого через нас и в нас. Эту «Пасху Господню» — посредством благословения, произнесённого над хлебом: «*Это есть Тело Моё...*» и над последней чашей вина в конце Вечери: «*Это есть Кровь Моя, нового и вечного Завета...*» — Иисус дал нам в «воспоминание», в «память» спасения, которое Он совершит Своею смертью и Своим воскресением: «*Это совершайте в память обо Мне*».

Эти слова и жесты Христа вот уже два тысячелетия являются для христиан таинственным источником верности Церкви тому, что совершил Иисус. Святой апостол Павел живо осознаёт это, когда пишет христианам Коринфа: «*Я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: прими-*

те, ядите, сие есть Тело Моё, за вас ломимое; сие творите в Моё воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Моё воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьёте чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придёт» (1 Кор 11. 23—23).

Евхаристическая «память» — это не просто воспоминание в обыденном смысле слова, но сакраментальное действие, посредством которого то, что было совершено в прошлом — раз и навсегда, — нам реально даётся в настоящем времени веры Церкви и открывает нам будущее человечества, призванного однажды «принять» Христа во славе Его.

ХІІІ СВЯТОЙ ДУХ И ТЕЛО ХРИСТОВО

Евхаристическая молитва называется также Евхаристическим канонem. Греческое слово «канон» означает «правило». И в самом деле, Евхаристическая молитва сформулирована и зафиксирована в таком виде в соответствии с правилами Церкви. Это может удивлять, особенно в наше время. Весь облик современной цивилизации (включая средства массовой информации) приучает нас к спонтанности. Почему бы богослужению тоже не быть таким действием, где царилa бы полная импровизация (хотя бы на уровне внешних проявлений)? Чтобы лучше понять, почему оно имеет фиксированную форму, остановимся на самом понятии «фиксированный».

С одной стороны, «фиксированный» можно понимать как «ритуальный». Как мы выяснили в предыдущей главе, Церковь, когда она совершает Евхаристию, повторяет жесты и слова молитвы Самого Иисуса, воспринятые ею из предания, которое восходит к апостолам. А Иисус, когда совершал Вечерю с Двенадцатью, следовал иудейскому ритуалу, который в свою очередь был точно и скрупулёзно кодифицирован. Вот почему в Евхаристической молитве не место импровизации. Некоторые историки придерживаются противоположной точки зрения, основываясь на тексте Иустина Философа, середина II в. (Апология I, 67)*: «Предстоя-

---

* Действительно, большинство современных литургистов, специализирующихся на истории Евхаристии первых веков, считает, что Божественная Литургия первых поколений христиан носила импровизированный характер и содержала в себе сравнительно немного неизменяемых, фиксированных текстов, хотя совершалась по определённой схеме и обладала некоторыми постоянными структурными элементами, лёгшими в основу известных нам текстов Литургий, которые нача-

тель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может». Каким бы ни был точный смысл этого отрывка (кстати, уже в начале III в. «Апостольское предание» Ипполита Римского запечатлело образец молитвы, которая могла бы претендовать на бесспорную ортодоксальность), в нём нет никакого намёка на допустимость совершенно субъективной фантазии или спонтанного творчества.

С другой стороны, «фиксированный» не следует понимать как «одинаковый». С самой глубокой христианской древности литургическая традиция принимала разнообразные формы в соответствии с условиями различных языков и культур. Таковы литургические обряды, сложившиеся в среде семитских народов (особенно в антиохийской традиции), коптский обряд, армянский обряд, греко-византийский обряд (его богослужение переведено на арабский, славянские и другие языки) и латинский обряд... Не будем забывать, что и внутри византийской традиции, как, впрочем, и латинской, существуют разнообразные литургические варианты, зачастую весьма оригинальные.

Это обстоятельство могло бы помочь нам занять менее категоричные позиции и найти более соответствующий тон, когда мы говорим о языках богослужения вообще и о латыни в частности. В самом начале церковной истории не латынь была богослужebным языком, а древнееврейский и греческий, да ещё древние языки Востока (арамейский, сирийский, халдейский и др.) Не следует забывать, что Римская Церковь, прежде чем она перешла на латынь, совершала богослужение по-гречески. И всё это разнообразие литургических традиций представляется бесценным сокровищем в едином наследии Церкви.

ли записываться с III в. В этом литургисты основываются не только на указанном фрагменте из св. мученика Иустина, но и на ряде других данных. — *Прим. пер.*

У народов Запада во времена Римской империи также существовало разнообразие литургических традиций, о богатствах которых мы и не подозреваем и которые известны лишь специалистам.

Существуют амвросианский обряд, который используется в Милане (мне довелось служить по этому обряду вместе с кардиналом Мартини и многими другими европейскими епископами, и великолепие Вечерни изумило меня и моих собратьев), мозарабский обряд в Испании и другие. Нельзя не упомянуть и некоторые своеобразные обряды во Франции, просуществовавшие вплоть до XIX в. (так, в Орлеане был свой особый чин примирения кающихся грешников, служившийся в Великий Четверг). Свой собственный обряд хранила Лионская Церковь; ещё не изгладились из памяти обряды доминиканцев и картезианцев.

Итак, не нужно думать, что фиксированность, «каноничность» Евхаристических молитв — это требование повиноваться правилу Церкви, автоматически порождающее единообразие. Слава Богу, подобно множеству языков, одновременно сосуществует множество литургических традиций.

Подлинная традиция

Чтобы закончить эту тему, хочу остановиться на одном актуальном моменте. Я имею ввиду энциклику Иоанна Павла II «*Apostoli Slavorum*», посвящённую святым братьям Кириллу и Мефодию, 1100-летний юбилей которых мы праздновали в 1985 г. Нам очень важно сегодня извлечь урок из этого юбилея. Германские епископы, которые посылали своих миссионеров для евангелизации славянских народов в IX в., твёрдо придерживались того, что допустимы только три богослужебных языка: древнеев-

рейский, греческий и латынь. Их богослужебным языком был латинский, и они хотели распространять его. Византийцы, в свою очередь, были ревнителями греческого. Кирилл и Мефодий, принадлежа к византийской культуре, обладали апостольской интуицией (в этом их поддерживал Папа), подсказывавшей, что нужно перевести Евангелие и богослужебные тексты на язык славян, чтобы эти народы могли молиться на своём родном языке, хотя этот язык и не имел письменности. Однако Кирилл дал ему письменность. Эта попытка предвидения оказалась столь плодотворной, что имя создателя славянской азбуки закрепилось в её названии: кириллическое письмо, или кириллица.

Дать возможность каждому народу земли услышать на своём родном языке о дивных делах Божиих и исповедать единого Господа, единого Духа, единую веру, единое крещение, единую жертву Христову, единого Бога и Отца — это не просто нововведение, подобное решениям Второго Ватиканского Собора, вызвавшим кое у кого сомнения, но безусловная верность древнейшей церковной традиции, коренящейся в событии Пятидесятницы. Возмущаться по поводу этого законного стремления — значит полностью пренебрегать христианской историей и тем, как Бог силою Святого Духа собирает в единое Тело совершенно разные народы. Самобытность каждого из них обогащает общую сокровищницу всей Церкви Христовой.

Имея фиксированную, ритуализованную форму, Евхаристические молитвы варьируются. В нашем латинском литургическом обряде их можно распределить следующим образом:

с одной стороны, это I Евхаристическая молитва («Римский канон»). Очень древняя, она связана с сирий-

ской литургией, заимствованной у ранних Церквей Иерусалима и Дамаска. Она была непосредственно перенесена в Римскую Церковь и стала там официальной Евхаристической молитвой. Отсюда и её название «Римский канон», сохраняемое по сей день;

с другой стороны, это II, III и IV Евхаристические молитвы, введённые после Второго Ватиканского Собора. Эти молитвы вдохновлены прекрасными греческими образцами. II Евхаристическая молитва приводится в *Апостольском Предании* Ипполита Римского (начало III в.); молитвы III и IV — в *Апостольской Конституции* (конец V в.).

Это основные Евхаристические молитвы. Хорошо ли вы помните все четыре? Советую вам перечитать их ещё раз.

Святой Дух являет присутствие Христа

Как я уже говорил вам (см. предыдущую главу), IV Евхаристическая молитва последовательно представляет нам благодарение Иисуса, которое становится благодарением Церкви. Она вспоминает всю священную историю Ветхого Завета и всё дело спасения, вплоть до дара Сына, Который *«Сам Себя предал на смерть и, воскреснув из мёртвых, сокрушил смерть и обновил жизнь»*. Завет (Союз), заключённый на Синае, исполняется в новом Завете благодаря дару Святого Духа в наших сердцах, — как пророчествовали о том Иезекииль (36. 27; 37. 26) и Иеремия (31. 31).

Молитва напоминает нам об этом такими словами: *«Но чтобы мы уже не для себя жили, а для Него, умершего и воскресшего ради нас, Он нам послал от Тебя, Отче, Духа Святого, — первый дар верующим, дабы, осуществляя дело Его на земле, Он завершил освящение мироздания»*. Повторю последние слова о Духе Святом: *«дабы, осуществляя дело Его [Христа] на земле, Он завершил освящение мироздания»*. Вот почему предстоятель — священник, который обрёл на то право при рукоположении, — будет дважды просить Отца о ниспослании Свя-

того Духа, произнося «эпиклесис» (это греческое слово означает «призывание»), что составит два важных момента евхаристического богослужения:

в первый раз непосредственно перед повествованием об установлении Евхаристии, соответственно предвзяря освящение даров, он взывает к Богу: *«Итак, Господи, молим Тебя: да освятит Дух Твой Святой эти дары»*. Затем, простирая руки над хлебом и вином, он продолжает: *«Чтобы они стали Телом и Кровью Господа нашего Иисуса Христа для совершения великого этого Таинства, которое оставил Он нам в установление вечного союза»*;

во второй раз после освящения даров, предвзяря Причащение, священник призывает Духа Святого на церковное Тело Христово, то есть на *«всех от единого этого Хлеба и Чаши причащающихся»*, чтобы им *«быть собранными Духом Святым во единое Тело, — да станут они во Христе жертвой живой во славу величия Твоего»*. Короче говоря, чтобы тело, сообщество церковное стало, в свою очередь, Телом Христа. Это то, о чём говорил святой Августин, назидая неофитов в Гиппоне (Проповедь 272): *«Примите то, чем вы являетесь. Станьте тем, что вы принимаете: Телом Христовым»*.

Мы — Церковь Пятидесятницы, в которой живёт воскресший Христос, осеняемый славою Отца. Именно Дух Святой делает возможным Его присутствие в Евхаристии под двумя видами и в реальности Его церковного Тела. Таким образом, призывая Духа Святого на Тело Христово — Таинство и затем на Тело Христово — Церковь, Божественная Литургия показывает, что Евхаристическое Тело, которое есть реальное присутствие Христа, оказывается залогом и гарантом Его присутствия в Телесном Церковном, Его Мистическом Телесном. Иначе тело могло бы быть принято за главу, Церковь — за Христа, Невеста — за Жениха. Иначе Евхаристия была бы не Таинством вечно живого Христа, а ностальгическим воспоминанием чего-то навсегда исчезнувшего.

Особым напоминанием о присутствии живого Христа в Церкви (и давайте постараемся об этом не забывать!) являются сохраняемые в дарохранительницах наших храмов и часовен Святые Дары, которым поклоняются верующие: так называемые «запасные Дары». Они сохраняются по крайней мере до ближайшей Божественной Литургии на случай, если потребуется подкрепить Телом Христовым тех верующих, которые лишены возможности присутствовать на Мессе. И это — не просто Святые Дары «про запас», но ещё и таинственное присутствие Христа в Его Церкви.

Церковь, Мистическое Тело Христово, поклоняется не самой себе, но Христу, реально присутствующему в Своем Телe и Своей Крови, принимаемому ею в Таинстве Евхаристии. Он есть жизнь Церкви. Церковь всецело связана со своим Господом и Владыкой. Церковь — не Христос, но она — Невеста Христова: её красота и величие обновляются благодатью Святого Духа от Евхаристии к Евхаристии.

XIV ПРИЧАСТИЕ И МИР ХРИСТОВ

Месса — это жертва благодарения, которую Церковь совершает в воспоминание Христа силою Духа Святого. Мы попытались раскрыть это в трёх предыдущих главах, как бы прервав рассмотрение прямой последовательности Литургии. В X главе мы завершили разговор о Евхаристической молитве и теперь подходим к «моменту» Причащения.

«Отче наш»

Почему Обряд Причащения следует начинать молитвой *«Отче наш»*? Потому что, хотя Причащение является совершенно личным делом (каждый лично приглашается принять Христа, Который дарует Себя в Своём Телe и Своей Крови), оно в то же время представляет собой дело по существу своему церковное (причащаясь, мы действуем только вместе со Христом и только как одно Тело, которое мы составляем вместе с нашими братьями-христианами, детьми одного Отца Небесного).

Физическое действие вкушения позволяет понять не только эту духовную реальность, но и реализм веры: наш телесный состав всецело охвачен воскресшим Христом. *«Мы становимся тем, что мы принимаем»*, по слову святого Августина. Когда мы принимаем и вкушаем Тело Христово, нас принимает Христос. Ибо эта пища *«истинно есть пища»*, *«Хлеб жизни»*; как объясняет Иисус Своим ученикам в капернаумской синагоге, *«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... [Он] пребывает во Мне, и Я в нём»* (Ин б. 54, 56). Причастие — это участие в жизни, «симбиоз» в двух смыслах: жизнь Христова стано-

вится нашей жизнью, а наша жизнь становится жизнью Христовой. В той степени, в какой апостол Павел дерзает поведать об этом своим братьям — галатским христианам: *«Уже не я живу, но живёт во мне Христос»* (Гал 2. 20).

Мы должны подготовиться непосредственно к этому единению со Христом, Которого мы предложили в дар в Евхаристической молитве и вместе с Которым мы приносим себя в дар Отцу. Вот почему мы все вместе произносим молитву, которую Он Сам нам оставил, — *«Отче наш»*: молитву Самого Иисуса, молитву Христа-Главы, ставшую молитвой Его Тела — Церкви, удивительную молитву Единородного Сына Божия, ставшую общей молитвой всех детей Божиих, братьев и сестёр Иисуса. Воскресший Христос сказал: *«Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему»* (Ин 20. 17). Он научил нас (ср. Мф 6. 9 и сл.) говорить: *«Отче наш»*, говорить это всем вместе.

Таким образом, перед Причастием мы произносим от себя слова, которые в нашем человеческом естестве выражают смысл Его существования-самоотдачи, выражают надежду Его сыновней любви, Его свободы, принесённой в дар Отцу Небесному. Разве может быть какая-то лучшая подготовка к принятию Святых Таин, нежели вхождение в молитву Возлюбленного Сына?

Молитва и возгласение

После молитвы *«Отче наш»*, которая говорится или поётся всем собранием, священник один в полный голос продолжает молиться: *«Избавь нас, Господи, от всякого зла, даруй милостиво мир во дни наши...»*

Эта современная молитвенная формула восходит к V веку и называется греческим словом «эмболизм», т. е. «вставка». В древности христиане её часто использовали, развивая и расширяя последнее прошение молитвы *Отче наш* (*«Избавь нас от лукавого»*), от которого и ведут происхождение первые слова: *«Избавь нас от всякого зла»*. Молитва была создана в Римской Церкви во времена, когда та находилась

под угрозой нашествия варваров*. Это было усердное моление перед лицом надвигающегося бедствия: *«Даруй милосердие миру во дни наши»*, мольба о том, чтобы быть *«избавленными от греха и ограждёнными от всякого смятения»*.

Латинские слова *«ab omni perturbatione securi»*** по сути означают *объективную и субъективную безопасность*, о которой мы просим Господа: *укрепи нас перед лицом испытаний*.

«Ожидая исполнения блаженного упования и пришествия Спасителя нашего Иисуса Христа».

Этот литургический текст перекликается с выражением святого апостола Павла *«ожидая блаженного упования»* из его Послания к Титу (2. 13), которое поясняется последующими словами: *«и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа»*. Именно фрагмент о *«блаженном уповании»* читается на Божественной Литургии в ночь Рождества. Мы не ошибёмся, если скажем, что *«блаженное упование»* — это воскресение мёртвых по дару Христа, как о том сам Павел провозгласил перед синодальною: *«За чаяние воскресения мёртвых меня судят»* (Деян 23. 6). Какое конкретное и жизненное упование!

После этой молитвы священника всё собрание возглашает: *«Ибо Твоё есть царство, и сила, и слава во веки»*. Отраднo, что в нашу Литургию вернулось это возглашение, сохранившееся в древних манускриптах, где оно завершало молитву *«Отче наш»*. Подобные возглашения часто встречаются в Священном Писании, например, в Откровении Иоанна Богослова 1. 6: Ему *«слава и держава во веки веков»*; или 4. 11: *«достойн Ты, Господи, приять славу и честь и силу»* (ср. также, в частности: 5. 13; 7. 12; 19. 1).

---

* Излагаемое здесь автором мнение довольно спорно с историко-литургической точки зрения. — *Прим. пер.*

** В русском переводе Чина Мессы: «ограждены от всякого смятения». — *Прим. пер.*

К совершенному единству

Здесь прерывается евхаристическое молитвословие, произносимое во имя Христа и обращаемое к Отцу при содействии силы Святого Духа. Мы делаем как бы паузу и обращаемся ко Господу Иисусу Христу, Который присутствует посреди нас и дарует нам Себя в Своём Телe и Своей Крови. Во всеуслышание, от имени всех и ради всех, предстоятель творит эту молитву, которая раньше была одной из трёх молитв, произносившихся тайно священником непосредственно перед его Причащением (см. гл. X). *«Господи Иисусе Христе, Ты сказал апостолам Своим: мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам. Не взирай на грехи наши, но на веру Церкви Твоей...»* Никто из нас не дерзает сказать: «Воззри на мою веру»; мы не дерзаем сказать даже так: «Воззри на веру всех нас, составляющих эту церковную общину». Кто из нас мог бы похвалиться перед Богом, что имеет достаточно веры для того, чтобы получить Его милосердную любовь? Речь может идти только о вере всей Церкви — той самой Церкви, Невесты Христовой и нашей Матери, которая *«не перестаёт молиться, надеяться и трудиться и увещает своих детей к очищению и обновлению, дабы знамение Христа светлее воссияло на её лице»* («Lumen gentium», 15). Только Церковь соразмерна прощению наших грехов, о котором мы просим, и даваемому нам дару Тела Христова.

«И по воле Твоей благоволи умирить и объединить её (= Церковь Твою)». Почему же теперь мы молимся о единстве Церкви? Потому что только Христос — Своим Телом, за нас преданным, — может собрать воедино в общении веры *«рассеянных чад Божиих»* (ср. Ин 11. 52). Таким образом, вполне естественно, что мы молимся о нашем единстве в Его Церкви в тот самый момент, когда мы собираемся приобщиться Телу Христову, приобщиться единому Хлебу и единой Чаше. Вот как использует святой апостол Павел символизм совершения Евхаристии для обозначения единства Церкви: *«Чаша благословения, которую благо-*

словаем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор 10. 16—17).

Каждый из нас принимает Тело Христа, всецело присутствующего в каждой частице Гостии — освящённого Хлеба (по-латыни слово «*hostia*» означает «жертва»). Мы соединены в этом единственном Телѣ воскресшего Христа. Своею Кровью, пролитой на кресте, Он победил разделение — порождение греха и смерти: *«Теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею [...] дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нём» (Еф 2. 13—17).* Только Таинство Евхаристии, принимаемое и понимаемое на этом уровне веры, устрояет и созидает единство Церкви. Только Христос способен вести Свою Церковь и верующих в Него к совершенному единству. Только Он, вочеловечившийся Сын Божий, до конца возлюбил нас, принеся Себя в жертву, которой мы приобщаемся и в ней обретаем единство: *«За них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» (Ин 17 19).*

Мир Христов, пребывающий с нами

После этой молитвы о мире во дни наши и о единстве Церкви предстоятель говорит собранию: *«Мир Господа нашего да будет всегда с вами».* Я уже объяснял вам (в IV главе) в связи с приветствием в самом начале Мессы, какое богатство смысла и красоты содержится в пожелании мира. Но ещё большее богатство содержится в словах Господа нашего о мире, которые произносятся перед тем, как Христос дарует Себя в пищу Своей Церкви.

Сказав это, священник призывает верующих обменяться знаками мира, который даёт нам Христос: *«Приветствуйте друг друга с миром и любовью»*. Обмен пожеланиями мира имеет древние корни. Когда-то он был призван соединить предстоятеля и всех клириков, участвующих в богослужении, в единое целое. Но никакое правило не запрещало того, чтобы приветствие мира распространялось и на собрание верных. Вот почему теперь мы это делаем с большой радостью.

Этот момент имеет огромное значение. Это вовсе не жест людей, довольных тем, что встретились, или обменивающихся поздравлениями, или похлопывающих друг друга по спине и восклицающих: «Какое счастье, что мы снова вместе!» Нет. Мир, о котором идёт речь, — вовсе не тот, который мы решили установить сами, своими собственными силами: мы на это не способны! *«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам,»* — говорит Христос. Христос даёт нам Свой мир, и мы ему (этому миру Христа) приобщаемся: мы принимаем его от Христа как бесценный дар, который нас преобразует и наделяет способностью принимать друг друга, несмотря на наш антагонизм и наши человеческие различия.

Так, объятые Христом, Который даёт нам Свой мир, и воссоединённые в единое тело с теми, кто дан нам как братья, мы становимся делателями мира. И, приобщаясь единому Телу Христову, мы принимаем Таинство того, что прежде было дано нам как надежда и залог в слове Иисусовом.

Причащение

После молитвы *«Агнец Божий»* (*«Agnus Dei»*), представляющей собой короткую литанию, каждый, если он того желает, подходит к Причастию в соответствии с обычаями Церкви и руководствуясь собственными ощущениями: это может быть принятие Тела Христова непосредственно в

уста, по обычаю, сложившемуся в Средние века, или в руки, в соответствии с древней практикой, описанной Кириллом Иерусалимским в его «Тайноводственных беседах» (Божественная Литургия, наставление 3): *«Левой рукою твоею сотвори престол для правой, ибо она примет Царя. Затем слегка согни свою ладонь, чтобы было углубление, и прими Тело Христово, говоря: Аминь».*

Оба способа Причащения в равной мере приемлются Церковью. Каждый имеет полную свободу выбирать любой из них и с благоговением принимать Тело Христово из рук священника или иного служителя Евхаристии. Но никогда верные не причащают себя сами: Причастие не «берётся», а «даётся». Оно принимается от Христа, Которого представляет священнослужитель.

После Второго Ватиканского Собора новый Чин Мессы предусматривает, чтобы исполнялось повеление Христа: *«Примите и вкушите от него все... Примите и пейте из неё все...».* Теперь в западных обрядах Католической Церкви Причащение под двумя видами — Тела и Крови Христа — не остаётся уже привилегией одних только священников, как это было прежде, но всё чаще и чаще преподается и мирянам. И действительно, хотя принимающий одно только Тело Христово полностью приобщается всецелому Христу, всё же великое счастье — принимать во всей полноте и действенной силе Таинство, вкушая его под двумя видами: под видом Хлеба и под видом Вина.

Благоговейная тишина, ликующая радость

Причащение может сопровождаться пением псалма. Но ничто не должно нарушать или подменять собой благоговейную тишину, которую следует сохранять на протяжении нескольких минут после Причащения. Это «уникальный момент, когда в безмолвной душевной близости святость Христа проникает в нас, очищает нас, просветляет нас и укрепляет», как доверительно сказал мне один из мо-

их слушателей. И добавил: «Мне кажется, что если верующий, который только что причастился, должен почти тотчас прослушать объявления о том, что будет на предстоящей неделе, он может почувствовать неуважение к себе и, более того, неуважение к присутствующему в нём Господу. А если неверующий, разбирающийся в вопросах нашей веры, войдёт в это время в храм и станет тому свидетелем, не удивится ли он этому, не покажется ли ему это бездумным легкомыслием?»

Завершает Мессу Молитва после Причащения. Её можно понимать как молитву тех верных, которые счастливы, что были приглашены на Вечерю Господню («*Блаженны званые на вечерю Агнца*»). И вот, преподав верующим благословение Бога — Отца и Сына и Святого Духа, — священник во имя Христа отпускает их: «*Идите (а не пойдём) в мире Христовом*».

В последнем возгласе, выражающем радость и веру, собрание свидетельствует о своей признательности Богу за эту Евхаристию: «*Благодарение Богу*». Нам, христианам 2000 года, христианам метро и городской толпы, христианам, живущим в мире безымянностей, дана благодать признать, обрести и возлюбить друг друга как братьев во Христе, силою Духа Святого, в каждой Евхаристической жертве — «*источнике и вершине всей христианской жизни*» («*Lumen gentium*», 11). В Церкви.

Ради вящей славы Божией и спасения мира.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика 5

ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ

I. ПОЙТИ НА МЕССУ	. 8
Воскресная Месса	. 8
Собраться в приходе	10
Созывание всех крещёных	11
Священник — «другой Христос»	12
II. СВЯЗЬ С ТЕМ, ЧТО СОВЕРШИЛ ИИСУС	14
Молитва народа Израилева	15
Две Литургии	16
Ритуал, укоренённый в веках	18
Единство Мессы	19

НАЧАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

III. ХРАМ. ВХОДНОЕ ПЕСНОПЕНИЕ.	
РОЛЬ СВЯЩЕННИКА	22
Как устроены наши храмы	22
Роль священника	23
Входное песнопение	24
Псалмы: язык Божий	25
Предстоятель — знак присутствия Христа	27
Целование алтаря	.. 28
IV. СОБРАВШИЕСЯ ВО ИМЯ ХРИСТА	 29
Первое исповедание веры	29
Первое благословение	29

Не кто иной как Бог собирает нас воедино	32
Вводные слова	34

V. ПРИЗНАТЬ СЕБЯ ГРЕШНИКОМ	35
Покаянная подготовка	35
Просить прощения у Бога	37
« <i>Кирие</i> » — сокровище, унаследованное от начала	38
Призывание Христа	40

VI. ГИМН «СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ»	
И МОЛИТВА СОБРАНИЯ	42
« <i>Глория</i> » — благодарственный гимн	42
Как петь « <i>Слава в вышних Богу</i> »?	43
Читаем тайну Божию по складам	44
Первая молитва: молитва всей Церкви	46
Тринитарная молитва	48

ЛИТУРГИЯ СЛОВА

VII. СИМФОНИЯ СЛОВА БОЖИЯ	52
Три чтения	52
Евангелие	53
Ветхий Завет	54
Апостольские книги	56
Псалмы — сердце Писания	56

VIII. ОТКЛИК ЦЕРКВИ НА СЛОВО БОЖИЕ	58
Проповедь священника	58
Исповедание веры Церкви	59
Молитва верных	62

ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЛИТУРГИЯ

IX. ВРЕМЯ ПРИНОШЕНИЯ ДАРОВ	64
Сбор пожертвований:	
свидетельство приношения	65

Предложение хлеба и вина	66
Омовение рук	67
Жертва всей Церкви	67
X. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА	71
Молитва, обращаемая священником к Отцу	72
Участие верных	73
Молитвы ко Христу	74
Действие Святого Духа	76
XI. ЖЕРТВА БЛАГОДАРЕНИЯ	77
Кто говорит?	77
Евхаристия — приношение и жертва	78
Кто приносит жертву?	81
Кто приносится в жертву?	82
XII. «ЭТО СОВЕРШАЙТЕ В ПАМЯТЬ ОБО МНЕ»	84
« <i>Санктус</i> »	84
Мессианское возгласение	85
Тайная Вечера и сегодняшняя Евхаристия	87
Божественная Литургия — воспоминание нашего искупления	88
XIII. СВЯТОЙ ДУХ И ТЕЛО ХРИСТОВО	91
Подлинная традиция	93
Святой Дух являет присутствие Христа	95
XIV. ПРИЧАСТИЕ И МИР ХРИСТОВ	98
« <i>Отче наш</i> »	98
Молитва и возгласение	99
К совершенному единству	101
Мир Христов, пребывающий с нами	102
Причащение	103
Благоговеиная тишина, ликующая радость	104

Изд. лиц. ИД № 00737 от 18.01.2000.
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 12, комн. правл.

Подписано в печать 06.12.2001. Формат 60×88¹/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 7,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 8614.
ООО Редакция журнала «Истина и Жизнь»
105215, Москва, 9-я Парковая, д. 37, оф. 409.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86